

КРИС УИКХЕМ СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЕВРОПА

ОТ ПАДЕНИЯ РИМА ДО РЕФОРМАЦИИ

Крис Уикхем

Средневековая Европа. От падения Рима до Реформации

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38391378

Средневековая Европа: От падения Рима до Реформации / Крис Уикхем:

Альпина нон-фикшн; Москва; 2019

ISBN 978-5-0013-9045-9

Аннотация

Тысячелетие, прошедшее с распада Римской империи до начала Реформации, было насыщено преобразованиями, и потому его не так легко описать в рамках одной книги. Тем не менее британский историк Крис Уикхем принял этот вызов. Он показывает Средневековье как динамичный период масштабных перемен, фокусируясь на таких знаковых событиях, как падение Рима, реформы Карла Великого, распространение христианства в Европе, закат Византийской империи, эпидемии Черной смерти и т. д. Анализируя их, автор рассказывает, какие изменения они вызвали в социальной, экономической и политической сферах, а также в частной жизни людей. Перед глазами читателя разворачивается панорамная картина жизни государств и городов средневековой Европы, проходит галерея образов императоров, королей, деятелей Церкви,

рыцарей, крестьян, купцов. Эта насыщенная информацией и увлекательно написанная аналитическая работа будет интересна и специалистам, и тем, кто обратится к периоду Средневековья впервые.

Содержание

Иллюстрации	7
Карты	49
Благодарности	61
Глава 1	63
Глава 2	111
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Крис Уикхем

Средневековая

Европа: От падения

Рима до Реформации

Переводчик *Мария Десятова*

Научный редактор *Станислав Мереминский, канд. ист.*

наук

Редактор *Наталья Нарциссова*

Руководитель проекта *И. Серёгина*

Корректоры *Е. Аксёнова, М. Миловидова, С. Чупахина*

Компьютерная верстка *А. Фоминов*

Арт-директор *Ю. Буга*

Иллюстрация на обложке Alamy

© Chris Wickham, 2016

Originally published by Yale University Press

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО

«Альпина нон-фикшн», 2019

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в лич-

ных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Иллюстрации

1. Диптих с изображением Манлия Боэция, 487 г., слоновая кость. Христианский музей, Брешиа, Италия / Bridgeman Images.
2. Баптистерий Иоанна Крестителя, VI в., Пуатье. © Nick Hanna / Alamy Stock Photo.
3. Пизанский собор, конец XI – начало XII в. M&M Photo.
4. Собор Св. Софии, Константинополь (Стамбул), 530-е гг. Фото Лесли Брубейкер.
5. Бирмингемский Коран, ок. 640–650-х гг., Бирмингемский университет.
6. Богатый зал, Мадина аз-Захра, Кордова, 950-е гг.
7. Сборник франкских законов, 850–870-е гг, библиотека герцога Августа, Вольфенбюттель. Cod. Guelf. 299 Gud. lat © Herzog August Bibliothek Wolfenbuttel (<http://diglib.hab.de/mss/299-gud-lat/start.htm>).
8. Дворцовая капелла, Ахенский собор, ок. 800 г.
9. Евангелие из Линдисфарна, Евангелие от Луки, начало VIII в. Британская библиотека (Cotton MS Nero D. IV, f. 139).
10. Ставкирка, Хеддал, Норвегия, XIII в.
11. Бронзовые врата, Гнезненский кафедральный собор, конец XII в., сцена гибели святого Адальберта. © Jan Włodarczyk / Alamy Stock Photo.
12. «Плоды доброго правления в городе», фреска

Амброджо Лоренцетти, Палаццо Публико, Сиена, 1138–1339 гг. Fondazione Musei Senesi.

13. Рокка-Сан-Сильвестро, Тоскана, XIII в. Ventodiluna.

14. Мозаика апсиды базилики Св. Климента, Рим, ок. 1118 г. © imageBROKER / Alamy Stock Photo.

15. «Сон Иннокентия III», фреска Джотто ди Бондоне, церковь Св. Франциска, Ассизи, 1290-е гг. Bridgeman Images.

16. Замок Гравенстен, Гент, конец XII в. © Alpineguide / Alamy Stock Photo.

17. Собор Парижской Богоматери, Париж. Peter Bull.

18. Отель Mercure Shakespeare, Стратфорд, XIII–XVI вв. © Mark Benton / England / Alamy Stock Photo.

19. Фреска «Воскресение Христово» в Кахрие-Джами (монастырь в Хоре), Константинополь (Стамбул), ок. 1320 г. QC.

20. Статуи Экхарда Мейсенского и Уты Балленштедской, Наумбургский собор, середина XIII в. © VPC Travel Photo / Alamy Stock Photo.

21. Северные (Стамбульские) ворота, городская стена Никеи (Изник, Турция), построены во времена Древнего Рима, периодически перестраивались до начала XIII в. ЕВА.

22. Казначейский свиток, конец XII в., 1163–1164 гг. Национальный архив, Лондон.

23. Эгиль Скаллаgrimsson, изображение в исландской рукописи, возможно сделанное Хьялти Торстейнссоном,

XVII в. Фото Йоханны Олафсдоттир, изображение представлено Институтом исландских исследований имени Арни Магнуссона.

24. Церковь Покрова на Нерли, Владимир, ок. 1160 г. © www.123rf.com / Elena Shchipkova.

25. Святая Анна обучает Деву Марию чтению, иллюстрация из французской рукописи, 1430-е гг. Музей Гетти, Лос-Анджелес. Цифровое изображение предоставлено Getty's Open Content Program.

26. Румельская крепость, Стамбул, 1452 г. © www.123rf.com/rogna

27. Колокольня, Брюгге, 1480-е гг. © Jank1000 | Dreamstime.com

28. Карлов мост, Прага, конец XIV в. Book Travel Prague.

29. Девичий дворик, Алькасар, Севилья, 1360-е гг. © funkyfood London – Paul Williams / Alamy Stock Photo.

30. Площадь Пия II, Пьенца, Тоскана, 1459–1462 гг. © Siephoto / Masterfile.

31. «Энеа Сильвио Пикколомини отправляется на Базельский собор», Пинтуриккьо, Сиенский собор, 1500-е гг. Библиотека Пикколомини, кафедральный собор в Сиене, Италия / F. Lensini, Siena / Bridgeman Images.

1. Консульский диптих Флавия Манлия Боэция, 487 г. Аристократы времен поздней Римской империи часто заказывали диптихи (парные изображения) из слоновой кости в память о значимых событиях – в данном случае это назначение Боэция консулом и префектом Рима. В правой части диптиха Боэций держит в руке платок, давая сигнал к началу гонок на колесницах, так как консульская должность подразумевала присутствие на подобных мероприятиях. Консул Боэций, вероятно, был отцом известного философа, носившего то же имя и казненного за измену правителем Италии Теодорихом в 524 г.

2. Баптистерий в Пуатье, VI в. Один из немногих сохранившихся образцов монументальной архитектуры эпохи Меровингов, располагавшийся в крупном городе Южной Галлии, дает хорошее представление о зодчестве того времени. Вся кладка оригинальная, если не считать современных контрфорсов, препятствующих обрушению постройки со склона. Сколько в этом здании относится к периоду позднего Рима, до победы франков над империей в 507 г., вопрос открытый, однако его облик позволяет с уверенностью утверждать, что Меровинги строили – или перестраивали – в классическом римском стиле.

3. Пизанский собор, конец XI – начало XII в. Возведен-

ный по самым передовым технологиям своей эпохи, собор воплотил в себе честолюбивые замыслы пизанцев. Как следует из надписей на фасаде, значительную часть средств на строительство обеспечили трофеи, добытые в морских набегах на богатые мусульманские города.

4. Собор Св. Софии, Константинополь (сейчас Стамбул), 530-е гг. «Великая церковь» византийской столицы была построена императором Юстинианом в 532–537 гг. Грандиозное сооружение превышало размерами все остальные известные крытые постройки Европы со времен Римской империи до строительства собора в Севилье в XIII–XIV вв. Об-

валившаяся в 557 г. кровля была восстановлена в 562 г. К более поздним временам относятся только османские минареты.

5. Бирмингемский Коран, около 640–650-х гг. Радиоуглеродный анализ с точностью 95 % определяет, что пергамент этих страниц Корана, обнаруженных в библиотеке Бирмингемского университета в 2013 г., был произведен до 645 г. Следовательно, текст написан позже – хотя едва ли намного. Датировка совпадает с периодом правления халифа Усмана (644–656), которому в исламе принадлежит заслуга собирания текста Корана в единую книгу. Однако, несмотря на убедительное совпадение, споры вокруг датировки Корана по-прежнему не утихают.

6. Восстановленный парадный зал кордовских халифов из

династии Омейядов в дворцовом комплексе Мадина аз-Захра, 950-е гг. Дворец, выстроенный Абд ар-Рахманом III, был разрушен около 1010 г., раскопан в XX в. и реконструирован в XX–XXI вв. Отделка зала была выполнена из ценных материалов, его великолепие, как известно из дошедших до нас свидетельств, вызывало немалое восхищение у иностранных послов.

De eo qui se de parente illa tollere uoluerit
De charta ena

De compositione hominū

De homine in hoste occiso

De equo alteri hore burgi uel maioru

De abullo de corticato

De eo qui hominē de burgo de furto de portu

De eo qui benā filiā disponit & nū auterit ^{capit}

DE MANIRE

Siquis ad mallon legibus domicus man

nitus fuerit & non uenerit si eum

suū nisi non de reuerit de diu quif

ciunt sol xv cat iud. Illi uero qui alium

manit si non uenerit & eū suū nisi non

de uenerit ei quem manuit simile de

diu quifaciunt sol xv cat iud. Ille aut qui

alium manit cum testibus addomū

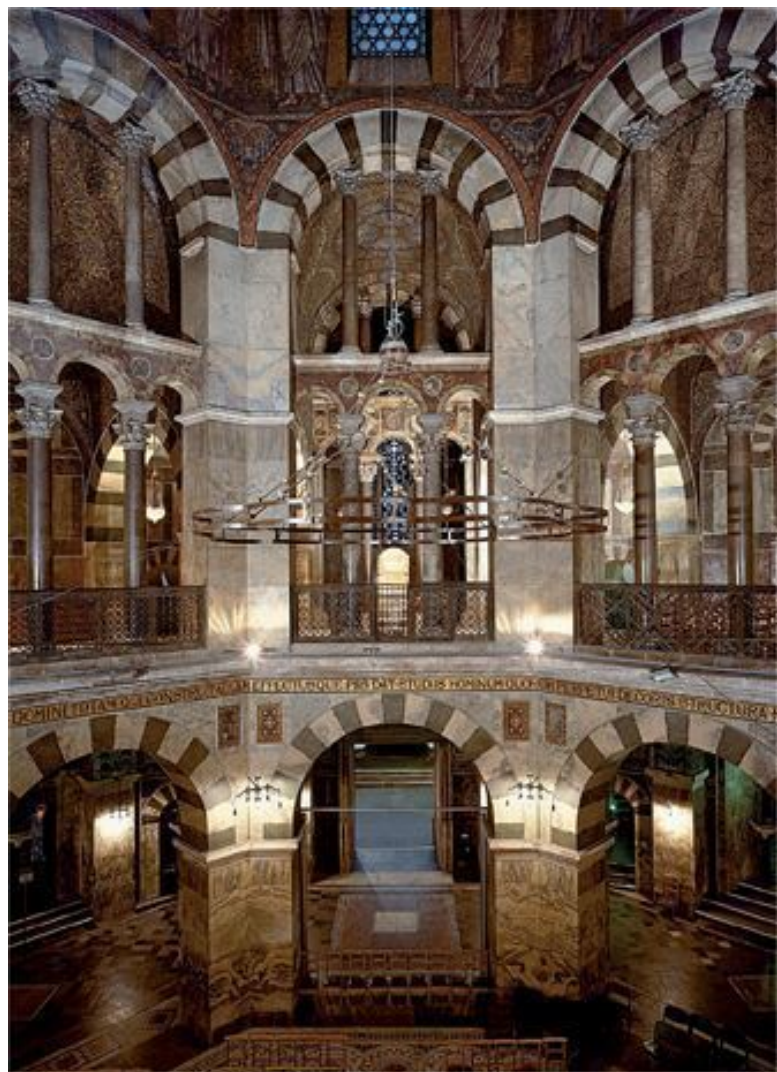
illius ambulat & sic eum manuat aut

uocorem illius t quicūq; de familia illius

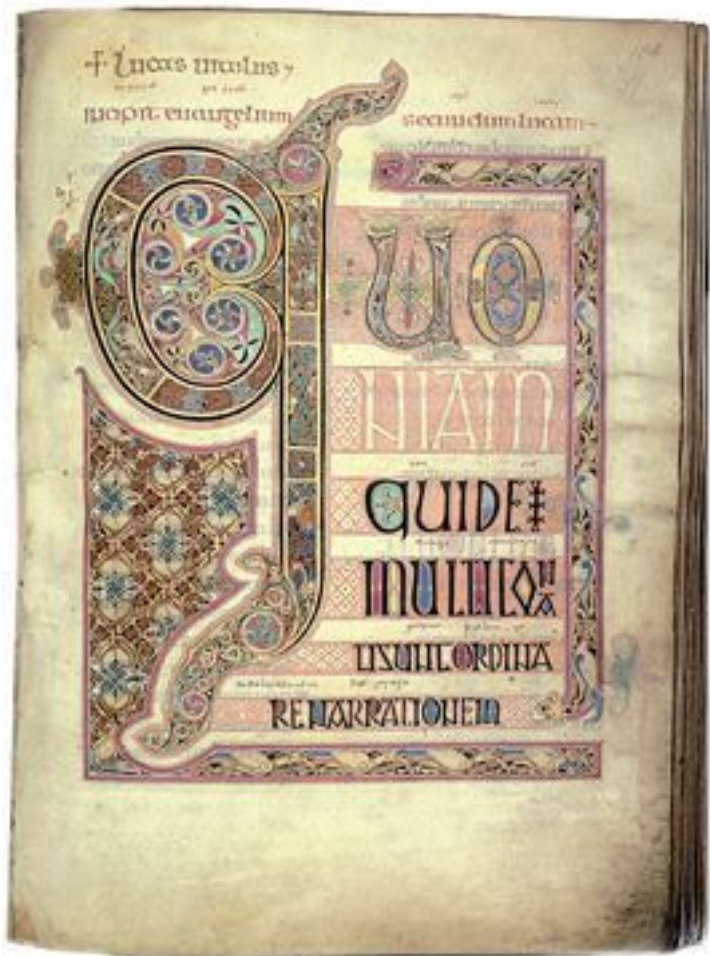
denuntiat & hoc faciat notum quomo

do ab illo est manitus. Nā si nūsi fuerit

земля, сохранившийся в немецком городе Вольфенбюттель, представляет собой составленный в IX в. сборник франкских законов от Салической правды (перед нами ее первая страница) до капитуляриев эпохи Карла Великого (до 810-х гг.). Подобных сборников того периода сохранились десятки, что свидетельствует о желании государственных деятелей эпохи Каролингов держать их под рукой.

8. Капелла Ахенского дворца Карла Великого, около 800 г. Во дворце Ахена, ставшего при Карле Великом новой столицей Франкского государства, была устроена большая церковь, которую в 805 г. освятил папа Лев III. Роскошное убранство церкви включало облицовку из мрамора (доставленного из Рима и Равенны, по свидетельству биографа Карла Великого Эйнгарда), бронзу и ныне утраченные фрески.

9. Евангелие из Линдисфарна, начало VIII в. Принадле-

жит к числу самых красочно иллюстрированных литературных памятников средневекового периода. Предположительно, переписано и иллюстрировано в Линдисфарнском монастыре в Нортумберленде, имеет сходство с рядом других евангелий того же периода, созданных в Англии и Ирландии, где специализировались на такого рода украшениях. На снимке – первая страница Евангелия от Луки.

10. Ставкирка, Хеддал, Норвегия, XIII в. В архитектуре средневековой Норвегии получили распространение де-

ревянные церкви, выстроенные с применением новаторских конструктивных приемов. Ставкирка в Хеддале на юге Норвегии – самая большая из церквей такого типа (правда, дополнительно увеличена она была уже в 1890-х).

11. Бронзовые ворота, Гнезненский кафедральный собор, конец XII в. В XIV в. этот древнейший польский собор был перестроен, однако сохранились ворота с изображением сцен из жития Адальберта Пражского, убитого язычниками-прусами в 997 г. Останки его были выкуплены поляками и захоронены в соборе. Сцена над дверным кольцом правой створки изображает гибель святого. Не исключено, что ворота выполнены иностранными мастерами, работавшими в Польше, поскольку такой стиль характерен для пограничных германско-французских земель.

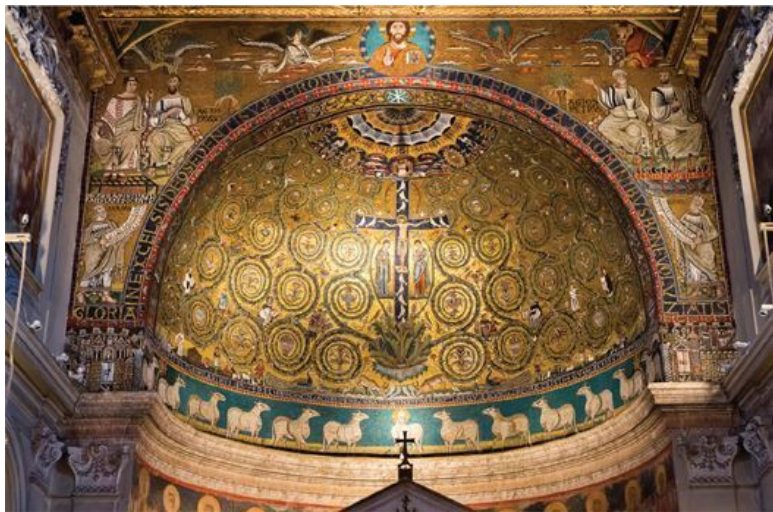

12. «Плоды доброго правления в городе», Амброджо Лоренцетти, Сиена, 1138–1339 гг. На фреске, украсившей зал заседаний в ратуше Сиены, представлен идеализированный город, процветающий под властью мудрого и заботливого правителя, радующий взгляд ремесленными мастерскими, учебным заведением, полноводными торговыми потоками и (явное художественное преувеличение) танцующими на улицах женщинами.

13. Рокка-Сан-Сильвестро, Тоскана, XIII в. Возможно, лучше всего сохранившееся из имеющихся заброшенных средневековых поселений – горняцкий поселок при медных и серебряных рудниках на Тосканском побережье, пришедший в упадок после истощения залежей руды. Период его

расцвета, к которому относятся уцелевшие строения, пришелся на XII–XIII вв. Замок на вершине принадлежал сеньору, остальные постройки – дома простых горняков, которые тоже отличаются высоким качеством каменной кладки. Хотя владелец замка строго контролировал добычу руды, горняки, судя по всему, не бедствовали.

14. Мозаика апсиды базилики Св. Климента, Рим, около 1118 г. Пространство великолепной мозаики, изготовленной по заказу кардинала при папе Пасхалии II, заполняет виноградная лоза, в завитках которой представлена вся христианская Церковь, а также различные персонажи,

занимающиеся в том числе повседневными хозяйственными делами. Перед нами свидетельство того, как папская власть стремилась продемонстрировать могущество и богатство в тяжелый для нее период утраты позиций в Риме.

15. «Сон Иннокентия III», Ассизи, 1290-е гг. Фреска в церкви Св. Франциска (первом большом францисканском храме), с большой долей вероятности выполненная Джотто и его учениками, изображает сон Иннокентия, в котором Франциск Ассизский в одиночку удерживает от обрушения Латеранскую базилику (кафедральный собор Рима). Относится к начальному периоду мифологизации Франциска и его невероятного политического успеха.

16. Замок в Генте, конец XII в. Основная часть замка графов Фландрии в Генте сохранилась в неизменном виде, хотя

в XIX в. здание подверглось существенной перестройке. Замок представлял собой один из главных оплотов графской власти на территории города, ставшего впоследствии самым крупным во Фландрии. Расцвет Гента как центра ремесленного производства начался с замка, однако разросшийся и разбогатевший город оказался серьезным соперником для графов.

17. Собор Парижской Богоматери, Париж. Самый известный из ряда крупных и дорогостоящих готических соборов, возведенных в Северной Франции в XII–XIII вв. – в данном случае в 1160–1260-х гг. Шпиль относится к XIX в.

18. Отель Mercure Shakespeare, Стратфорд-на-Эйвоне, XIII–XVI вв. Стоит на одном из фискальных участков (burgage plots), нарезанных при основании Стратфорда в начале XIII в. и до сих пор различимых на плане города. Само здание относится к тюдоровскому периоду и представляет собой классическую для городской застройки тех времен фахверковую конструкцию; впоследствии реконструировалось.

19. Фреска «Воскресение Христово» в Кахрие-Джами, Стамбул, около 1320 г. Монастырь Хора (Кахрие) был построен константинопольским придворным советником, ученым и мыслителем Феодором Метохитом в 1315–1321 гг. Перед нами самая драматичная фреска монастыря, изображающая сокрушение Иисусом врат ада – здесь он освобождает Адама и Еву, чтобы вознести их в рай.

20. Статуи Экхарда Мейсенского и Уты Балленштедской, Наумбург, середина XIII в. Скульптурные изображения маркграфа и маркграфини, основавших в XI в. собор в Наумбурге на северо-востоке Германии, появились на его стенах двумя столетиями позже вместе с десятью другими искусно выполненными каменными статуями. Скульптуры демонстрируют характерную для любого средневекового столетия зависимость церковной общины от покровителей-мирян.

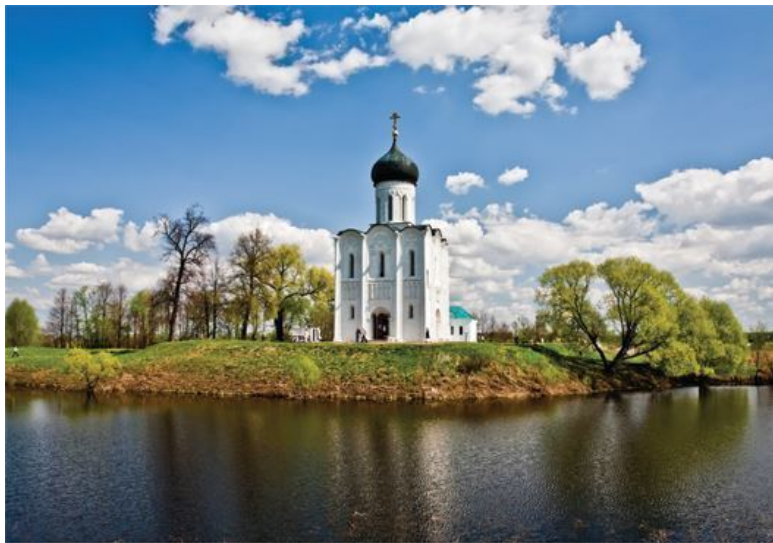
21. Северные (Стамбульские) ворота Nikeи содержат фрагменты, относящиеся к разным временам, от эпохи Древнего Рима до начала XIII в. Изначально эти монументальные стены и ворота были построены римлянами, однако систематически ремонтировались и перестраивались в византийский период, в частности при никейских императорах (1204–1261).

22. Казначейский свиток, конец XII в. Английская Палата шахматной доски (высший финансовый орган) первой ввела практику систематической финансовой отчетности для контроля доходов казны. Первый дошедший до нас казначейский свиток относится к 1130 г., затем, начиная с 1156 г., они сохранились в почти непрерывной последовательности. Название происходит от свитков, в которые сворачивались сшитые по несколько штук листы пергамента.

23. Эгиль Скаллагримссон, изображение в исландской рукописи, XVII в. Эгиль Скаллагримссон, исландский поэт конца X в. (до нас дошли некоторые его творения), был к тому же буйным задирой с очень крупной головой. Данный портрет начала Нового времени отражает представления исландцев той эпохи о том, как должен выглядеть крестьянский герой.

24. Церковь Покрова на Нерли, Владимир, около 1160 г. Красивейший пример того, как византийский стиль, перени-

маемый правителями Руси, превращался в самобытную архитектуру. Церковь выстроена под Владимиром князем Андреем Боголюбским (1157–1174).

25. Святая Анна обучает свою дочь Деву Марию чтению, иллюстрация из французской рукописи, 1430-е гг. Популярность этой сцены в иллюстрированных рукописных книгах позднего Средневековья свидетельствует о том, что в общественном представлении отдельные мирянки могли быть грамотными и именно они обучали грамоте своих детей.

26. Румельская крепость, Стамбул, 1452 г. Замок был выстроен в ходе подготовки к осаде Константинополя Мехмедом II, чтобы перекрыть путь через Босфор венецианским

судам, доставлявшим в город провизию.

27. Колокольня, Брюгге, 1480-е гг. Символ гордости горожан, возвышающийся над крытым рынком на главной площади Брюгге, в XIII в. был возведен из дерева. Венчающая его восьмигранная башня добавлена в конце XV столетия.

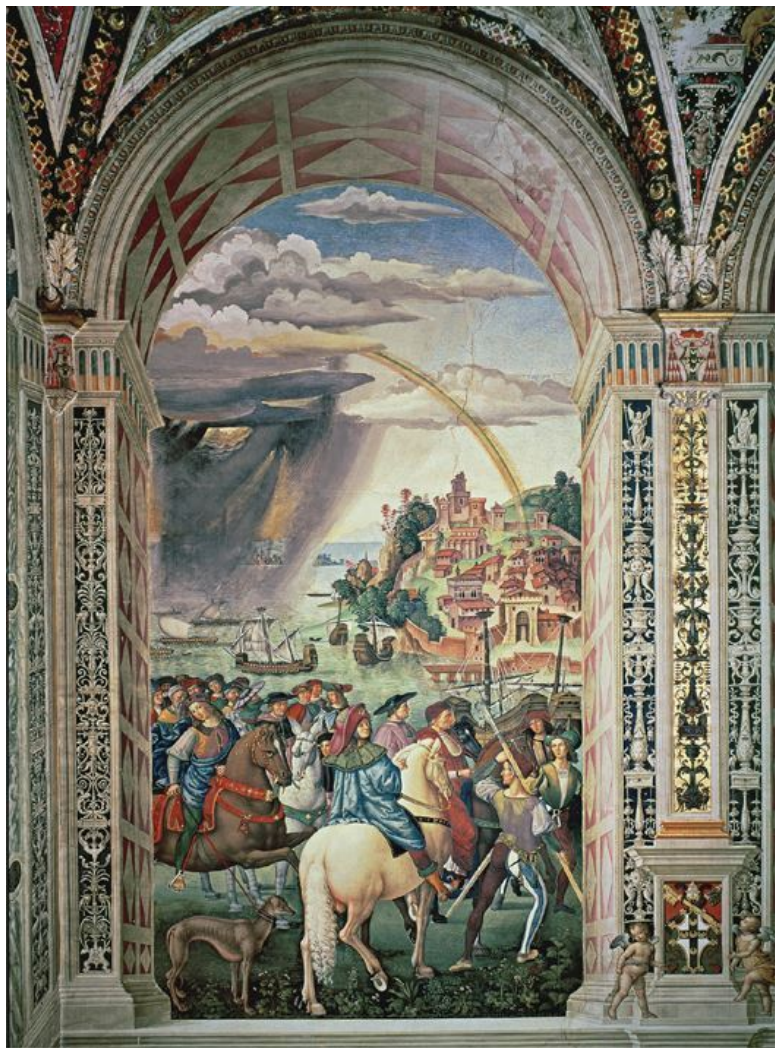
28. Карлов мост, Прага, конец XIV в. Долгое время оставался единственным мостом через реку Влтаву, разделяющую Прагу на две части. При императоре Карле IV был перестроен в более величественном стиле скульптором и архитектором Петром Парлержем. Староместская мостовая башня в левой части снимка, также спроектированная Парлержем, представляет собой достойный образец светской чешской готики. Лебеди современные (!).

29. Девичий дворик (Patio de las Doncellas), Алькасар, Севилья, 1360-е гг. После завоевания почти всего аль-Андалуса кастильцами многие художественные традиции испанских мусульман (наглядно воплощенные в гранадской Альгамбре) распространились на остальные испанские земли. Алькасар (королевский дворец) в Севилье служит особенно выразительным примером, изобилуя мусульманскими архитектурно-декоративными приемами в сочетании с христианскими.

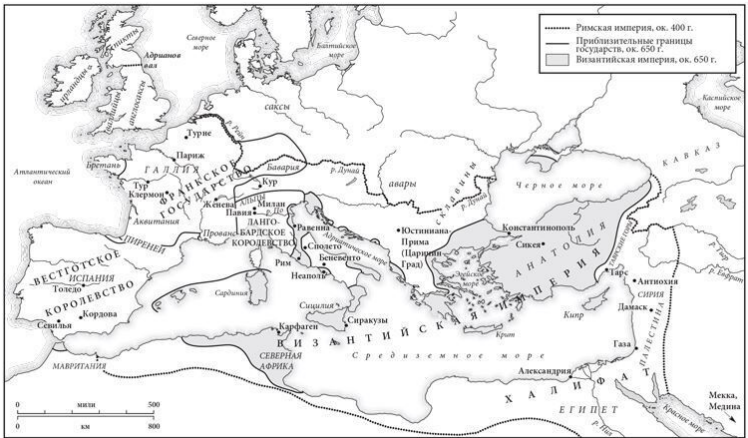
30. Главная площадь Пьенцы, Тоскана, 1459–1462 гг. Пий II родился в Корсиньяно – небольшом селении Южной Тосканы. Став папой римским, он дал селению статус города и, переименовав в свою честь в Пьенцу, украсил монументальными зданиями в «ренессансном» стиле, которые оказались великоваты для крохотного городка: на снимке за собором видна открытая местность.

31. «Энеа Сильвио Пикколомини отправляется на Базельский собор», XVI в. Перед нами одновременно и классический морской пейзаж эпохи Возрождения, и сцена из жизни сиенского гуманиста, ставшего впоследствии папой Пием II (1458–1464). Фрески с изображением значимых событий жизни папы были выполнены Пинтуриккьо в 1503 г. по заказу племянника Энеа Сильвио Пия III, который пробыл в сане понтифика меньше месяца. Выбор сцены, несмотря на откровенно антипапский характер Базельского собора, продиктован тем, что именно там Энеа Сильвио зарекомендовал себя как политический деятель.

Карты

1. Европа в 550 г.
2. Западная Европа в 850 г.
3. Восточная Европа в 850 г.
4. Западная Европа в 1150 г.
5. Восточная Европа в 1150 г.
6. Западная Европа в 1500 г.
7. Восточная Европа в 1500 г.

Карта 1. Европа в 550 г.

— Приблизительные границы государств, ок. 1150 г.

— Приблизительные границы государств, ок. 1500 г.

Благодарности

В первую очередь хочу поблагодарить Хизер Маккаллум, которая подала мне идею этой книги и в конце концов убедилась написать ее. Она же высказывала критические замечания по черновым вариантам и проверяла все данные в рукописи. Лесли Брубейкер прочитала весь текст и указала места, которые нуждались в правке. Такой же вклад внесли два сочувствующих читателя из Йеля. Многие мои друзья читали отдельные главы: Пат Гири и Майке де Йонг – с первой по шестую, Лесли Абрамс – пятую, Крис Дайер – седьмую, Джон Арнольд – восьмую, Роберт Суонсон – десятую, Линдал Ропер – десятую и двенадцатую, Джон Уоттс – одиннадцатую и двенадцатую. Без их помощи (и суровой критики) я бы не справился, особенно когда добрался до менее знакомых мне периодов Средневековья. Еще ряд людей помогли советами, справочными материалами и поиском литературы – это Питер Косс, Лорена Фьерро Диас, Марек Янковяк, Том Ламберт, Изабелла Ладзарини, Конрад Лейзер, Софи Марнетт, Гедре Мицкунайте, Морин Миллер, Наталия Новаковская, Гельмут Реймитц, Джон Сабапати, Марк Уиттоу, Эмили Уинклер (и это далеко не полный список). Не могу назвать здесь поименно всех, кто случайной репликой, не подозревая, что я делаю мысленную пометку, спасал текст от ошибки, но все выступавшие на семинаре по Средневеко-

вью «по понедельникам в пять», который мы с Марком Уиттоу ведем в Оксфорде уже 11 лет, так или иначе внесли свой вклад в эту книгу. Кроме того, я хотел бы сказать спасибо RAE2008 и REF2014¹ за интеллектуальный стимул: благодаря им я ознакомился с авторитетными материалами широкой тематики, которые иначе прошли бы мимо меня. Многие из этих книг и статей включены в библиографию.

¹ Программа оценки качества исследовательской работы в учебных заведениях. – *Прим. пер.*

Глава 1

Новый взгляд на Средние века

Эта книга посвящена переменам. Так называемое Средневековье длилось 1000 лет – с 500 по 1500 год, – и Европа конца этого периода сильно отличалась от той, что была в начале. Раннее Средневековье было проникнуто влиянием Римской империи, которая объединяла половину Европейского континента, но резко отсекала ее от другой половины. По прошествии 1000 лет Европа в целом уже обрела те контуры, которые сохраняются и поныне: в том или ином виде в ней сформировалось большинство нынешних независимых государств. Задача этой книги – проследить ход перемен и показать их значимость. Однако сосредоточимся мы не на результатах. Многих авторов трудов о Средневековье заботит в первую очередь происхождение нынешних государств и другие аспекты «современности» в их понимании, поэтому для них смысл средневекового периода заключен именно в результатах и итогах. Мне это кажется в корне ошибочным. История лишена целесообразности, историческое развитие не стремится к чему-то, а отталкивается от чего-то. Более того, с моей точки зрения, бурный период Средневековья представляет самостоятельный интерес и его не обязательно рассматривать через призму последующих событий. Надеюсь,

моя книга послужит убедительным тому доказательством.

Это отнюдь не значит, что средневековая история Европы представляет собой водоворот событий, не имеющих никакой логической связи, кроме принадлежности к произвольно выбранному тысячелетнему временному отрезку. Вовсе нет. Средние века размечены четко обозначенными переломными моментами, из которых и складывается этот исторический период. Падение Западной Римской империи в V веке, кризис Восточной Римской империи, столкнувшейся с подъемом ислама в VII веке, экспериментальный проект Каролингов по созданию высокодуховного государства на рубеже VIII–IX веков, распространение христианства в Северной и Восточной Европе в X веке (преимущественно), радикальная децентрализация политической власти на Западе в XI веке, демографический и экономический рост с X по XIII век, восстановление политической и религиозной власти на Западе в XII–XIII веках, закат Византии в тот же период, Черная смерть и развитие государственных органов в XIV веке, вовлечение более широких слоев населения в публичную сферу на рубеже XIV–XV веков – вот перечень основных, на мой взгляд, переломных моментов, каждому из которых будет посвящена отдельная глава книги. Эти вехи связывала между собой череда структурных изменений: среди прочего, упадок и последующее возрождение понятий общественной власти, переход от налогообложения в качестве основного источника государственных ресурсов к землевладению и

обратно, влияние письменности и грамоты на политическую культуру, развитие во второй половине Средневековья законодательно закреплённых и четко очерченных моделей местного управления и самоопределения, под влиянием которого изменились взаимоотношения правителей и подданных. Эти изменения мы также будем разбирать. Однако углубляться в микроисторию социумов и культур и подробно рассказывать об исторических событиях, происходивших в отдельных странах, нам попросту не позволит объем книги. Перед вами аналитическая работа о Средних веках, а не учебник истории – их сейчас предостаточно, в том числе совершенно великолепных, поэтому пополнять их собрание нет нужды². Разумеется, в каждой главе, чтобы не быть голословным, я освещу в той или иной степени политические события обо-

² Лучший, на мой взгляд, учебник (на самом деле больше чем учебник) – В. Rosenwein, *A short history of the middle ages* (2009). Другие ключевые интерпретации см. G. Tabacco and G. G. Merlo, *Medioevo* (1981); J. H. Arnold, *What is medieval history?* (2008) и два сборника на уровне выше среднего – *Storia medievale* (1998) и C. Lansing and E. D. English, *A companion to the medieval world* (2009). Более короткие периоды см.: M. Innes, *Introduction to early medieval western Europe, 300–900* (2007) и J. M. H. Smith, *Europe after Rome* (2005) о раннем Средневековье; R. Bartlett, *The making of Europe* (1993) и M. Barber, *The two cities* (2004) о классическом Средневековье; J. Watts, *The making of polities* (2009) о позднем Средневековье. С. Wickham, *The inheritance of Rome* (2009) также охватывает первую половину Средневековья, но подробнее, чем в данной книге, в которой более 60 % материала посвящено второй половине средневекового периода. Дополнительно о раннем Средневековье см. Wickham, *The inheritance*. Примечание: на протяжении всей книги я буду ссылаться на авторитетные источники на разных языках, но при отсылках к обзорным материалам предпочтение будет отдаваться англоязычным.

значенного периода, особенно для читателей, которые обращаются к Средним векам впервые. Однако основное внимание будет сосредоточено на переломных моментах и всеобъемлющих структурных особенностях, показывающих, чем, на мой взгляд, прежде всего характеризуется и чем интересен средневековый период. Именно они станут предметом анализа.

Отмечу также, что мой перечень переломных моментов не совпадает с исторической канвой, которую открыто или исподволь намечают многочисленные хроники европейского Средневековья. С распространенной по сей день точки зрения, Европа, которую спасают от морального разложения «Григорианские реформы» XI века, от невежества – «Возрождение XII века», от бедности – фламандское ткачество и венецианское мореходство, от политического упадка – формирование государств Генрихом II и Эдуардом I в Англии, Филиппом II и Людовиком IX во Франции, Альфонсо VI и Фердинандом III в Кастилии, достигает расцвета в «зрелом Средневековье» XII–XIII веков с его крестовыми походами, рыцарским кодексом, готическими соборами, Папской областью, Парижским университетом и Шампанскими ярмарками, а после 1350 года приходит в упадок (чума, войны, церковные расколы и культурная неопределенность), преодолеть который помогает философия гуманизма и радикальная реформа Церкви. Такой интерпретации вы здесь не найдете. Она представляет в неверном свете позднее Средневеко-

вье и полностью оставляет за скобками начало Средних веков и Византию. Кроме того, она слишком проникнута уже раскритикованным мной стремлением увязать Средневековье, по крайней мере начиная с 1050 года, с современностью. Это отголосок не изжившего себя, вопреки уверениям историков, желания искать в истории мораль, славные времена, героев и злодеев.

Такое морализаторство для многих оправдано самим понятием «средневековый». У этого термина любопытная история. Изначально он имел пренебрежительный оттенок, который отчасти сохраняется и в наши дни. Со времен Римской республики люди противопоставляли себя, современных – *moderni* на латыни – древним, *antiqui*, «античным». Однако в XIV–XV веках ученые, которых мы называем гуманистами, начали применять термин «античный» к римским и предшествующим классикам, преемниками которых они себя считали, а предположительно уступавших им в мастерстве писателей промежуточного тысячелетия относили к периоду, который к XVII веку все чаще стали называть «Средними веками», *medium aevum*. В XIX веке термин, прижившись, распространился и на другие области – «средневековое» правительство, экономику, Церковь и так далее в противовес так же выпестованной в XIX веке идее Возрождения, с которого, как следовало полагать, и началась «современная» история³. Такое Средневековье – всего лишь услов-

³ Происхождение слова «средневековый» см., например: W. A. Green,

ность, подтасовка, совершенная горсткой ученых. Однако представление это крепло по мере того, как нарастали все новые и новые слои «современности».

С 1880-х годов, когда подача исторического материала стала более профессиональной и постепенно возникла специализация на отдельных периодах, начали появляться и положительные взгляды на средневековое прошлое. Иногда они были проявлением защитной реакции – например, попытки изучающих то или иное столетие Средневековья провозгласить собственный «ренессанс» («ренессанс XII века», «каролингский ренессанс» и пр.), обеляющий «их» период в глазах презрительно фыркающих специалистов по Новому времени. Иногда обретали фанатичный оттенок – когда католические историки превозносили религиозную чистоту Средневековья, а историки-националисты норовили именно в этом периоде найти истоки безоговорочного превосходства собственной страны. В Средних веках, далеких и местами очень плохо документированных, удобно выискивать подтверждение любым домыслам XX века, и в результате подобные взгляды предстают такими же далекими от реальности, как и заявления некоторых гуманистов. Однако параллельно уже больше столетия ведется упорная эмпирическая работа, благодаря которой тысячелетие Средневековья проступает более четко и ясно во всей своей сложности и очаровании. Специалисты по Средневековью зачастую сами не

‘Periodisation in European and world history’ (1992).

знают, сколь многим обязаны рвению историографов-националистов. Английские историки до сих пор склонны во главу угла ставить развитие английского государства – первого в Европе, а значит, подтверждающего исключительность англичан; немцев волнует *Sonderweg* – «особый путь», помешавший формированию такого государства у них, тогда как итальянские историки в распадае итальянского королевства ничего страшного не видят, ведь именно он подарил итальянским городам независимость и обусловил развитие культуры, с которой и началось Возрождение – самое что ни на есть итальянское⁴. Однако сегодняшняя глубина и многосторонность исследований Средневековья позволяют выдвинуть альтернативу этим взглядам и с легкостью обходить их.

Одной проблемой меньше – но возникает другая. Если мы отказываемся от образа Средних веков как долгого мрачного безвременья, полного беспричинного насилия, невежества и суеверий, как отличать этот период от предшествующего и последующего? Начало его обозначить в какой-то степени проще, поскольку традиционно оно увязывается с политическим кризисом, вызванным падением Западной Римской империи в V веке – поэтому за приблизительный рубеж Античности и Средневековья берется 500 год. Независимо от

⁴ Критику националистического взгляда на Средневековье см., например: P. J. Geary, *The myth of nations* (2002), 1–40; C. Wickham, 'The early middle ages and national identity' (2006). Об уходящей далеко в прошлое истории серьезных изысканий по раннему Средневековью см.: I. Wood, *The modern origins of the early middle ages* (2013).

того, считаем ли мы Римскую империю в каком бы то ни было смысле «лучше» западных преемников, те бесспорно отличались большей раздробленностью, структурной слабостью и простотой экономики. Поиски рубежа осложняются тем, что Восточная Римская империя, которую мы сейчас называем Византией, существовала еще долго, поэтому для юго-востока Европы 500 год за отправную точку брать бессмысленно. В самом деле, даже на Западе этот перелом коснулся лишь ряда нынешних европейских стран, самыми крупными из которых были Франция, Испания, Италия и юг Британии, поскольку в Римскую империю никогда не входили Ирландия, Скандинавия, большая часть Германии и основная масса славянских государств. Осложняет задачу установления границы и то, что за последние четверть века историкам удалось выявить значительную степень преемственности между периодами до и после 500 года, особенно в культурной области – в религиозных представлениях, в концепции общественной власти, – благодаря чему «позднейшая Античность» присутствовала местами до 800 года и даже до XI века. Это соотношение перемен и преемственности затушевывает перелом, наступивший после падения империи. Однако 500 год (плюс-минус полвека) по-прежнему остается удобной отправной точкой и, по крайней мере для меня, маркером коренных перемен на столь многих уровнях, что закрыть на них глаза невозможно.

С 1500 годом (плюс-минус полвека, по такому же прин-

ципу) дела обстоят сложнее: перемен было меньше или, по крайней мере, предполагаемые маркеры начала «современного», Нового времени не обладали достаточной значимостью. Окончательное покорение Византии османами в 1453 году мир не потрясло, поскольку к тому времени когда-то огромная империя уже распалась на отдельные провинции на территории нынешней Греции и Турции, и к тому же османы довольно успешно сохраняли политическое устройство Византии. «Открытие» Америки Колумбом – точнее, покорение ее крупнейших государств испанскими завоевателями в 1520–1530-х – несомненно оказалось катастрофой для американского коренного населения, однако Европа (за исключением Испании) последствия этого завоевания ощутит еще очень не скоро. В гуманистической философии, ставшей интеллектуальной почвой Возрождения, все сильнее проступают средневековые черты. Остается протестантская Реформация, тоже пришедшаяся в основном на 1520–1530-е (и последующая католическая контрреформация), как религиозно-культурный перелом, расколовший Западную и Центральную Европу и создавший два зачастую противоборствующих блока – существующих по сей день – с постепенно расходящимся культурно-политическим укладом. Это был бесспорно серьезный и относительно неожиданный раскол, пусть и слабо отразившийся на православном христианстве Восточной Европы. Однако, если подводить черту под европейским Средневековьем именно Ре-

формацией, выходит, что мы начинаем Средние века экономико-политическим кризисом на фоне культурно-религиозной преемственности, а заканчиваем культурно-религиозным кризисом на фоне относительной стабильности политики и экономики. Во всем определении Средних веков имеется некая искусственность, от которой нам никуда не деться.

Тем не менее, признав это, мы получаем возможность заново подступиться к вопросу рассмотрения Средних веков как единого целого. Разумеется, можно подыскать конечный рубеж и получше, чем 1500 год, – например, 1700-й с его научными и финансовыми переворотами или 1800-й с его политическими и промышленными революциями. Эти даты предлагались уже не раз. Но такой подход означает, что какую-то из перемен придется признать первостепенной и отодвинуть остальные на задний план. Это значит придумывать новые границы, а не сопоставлять. Прелесть сохранения традиционной периодизации именно в искусственности вех в виде 500 и 1500 годов, поэтому на ограничиваемом ими историческом отрезке можно отслеживать на разных территориях параллельные изменения, не обязанные служить предпосылками некоего крупного исторического события – Реформации, революции, индустриализации или любого другого признака «современности». И еще необходимо добавить, что эта периодизация полезна и для более широких сравнений, хотя я такого рода задачи перед собой не ставил. Наши с вами современники, занимающиеся историей

Африки, Индии, Китая, часто недовольны ярлыком «средневековый», который тянет за собой европейские ассоциации и, что гораздо серьезнее, подразумевает неперемное превосходство Европы, что у большинства нынешних историков вызывает отторжение. Но если признать искусственность границ, средневековый европейский опыт можно применять для сравнения, сопоставлять с другими вариантами развития в более нейтральном ключе, а значит, с большей пользой⁵.

На самом деле «Европа» – понятие тоже довольно условное. Это просто полуостров Евразийского материка, как и Юго-Восточная Азия⁶. С северо-востока его отделяют от великих азиатских государств российские леса и необжитые сибирские пространства, однако проходящий южнее коридор степей, который от Украины тянулся на запад до самого сердца Европы, Венгрии, во все времена приводил из Азии неутомимые орды кочевников – сперва гуннов, затем болгар и монголов. Крайне важно также, что Южная Европа в любую эпоху неотделима от Средиземноморья и немыслима без экономических связей (даже при отсутствии политических и культурных уз) с соседними областями – Западной Азией и Северной Африкой. При Римской империи объединенное водным пространством Средиземноморье представляло со-

⁵ См., например: С. Holmes and N. Standen, *The global middle ages*.

⁶ См. в первую очередь: V. Lieberman, *Strange parallels* (2003–2009), vol. 1 о Юго-Восточной Азии, vol. 2 для сравнения.

бой гораздо более значимый предмет изучения, чем «Европа», поделенная между Римом на юге и скопищем «варварских» племен (как их называли римляне) на севере. И разделение это сохранялось долго: христианская религия и постримские принципы управления начали распространяться на север от прежней римской границы не раньше 950 года. К тому времени Средиземноморье уже возрождалось как центр торговли и до конца Средних веков не уступало по важности северным каналам торгового обмена⁷. А Европа ни до, ни после не была цельной политической единицей.

Разумеется, Европа как понятие существовала и в Средние века. В IX веке государями «Европы» иногда называли своих монархов приближенные ко двору Каролингов, правивших на территории нынешней Франции, Германии, Нидерландов и Италии, а затем придворные в оттоновской Германии X века: своих сюзеренов они прочили на роль верховных владык аморфных, но обширных земель, которые удобно было называть «Европой». В этом риторическом значении понятие существовало все Средние века наряду с базовыми географическими представлениями, пришедшими из Античности, однако на нем редко (это не значит, что никогда) строились заявления о национальной принадлежности⁸. Да, в середине Средних веков христианство постепен-

⁷ Обзор многовековой истории см.: D. Abulafia, *The great sea* (2011).

⁸ K. J. Leyser, 'Concepts of Europe in the early and high middle ages' (1992). О более поздних периодах см.: D. Hay, *Europe: The emergence of an idea* (1968),

но распространилось по всей территории нынешней Европы (последними в конце XIV века крестились правители Литвы, намного превосходившей размерами сегодняшнюю). Однако к формированию общеевропейской религиозной культуры это не привело, поскольку распространение на север латинского и греческого обрядов христианства представляло собой два разных процесса. Более того, из-за непостоянства границы между христианскими и мусульманскими владениями – христианские правители в Испании XIII века отодвигали ее на юг, а мусульманские (османы) в XIV–XV веках – на север, в Балканы, – понятие «христианской Европы» (не учитывавшее многочисленных европейских евреев) никогда не совпадало с действительностью и не совпадает по сей день. В самом общем смысле, как мы еще увидим, во второй половине интересующего нас периода Европа все-таки достигла определенного единства развития в рамках разнообразия институтов и политических укладов, выраженного в системе епархий или в опоре на письменную документацию в государственном управлении и пронизывающего ее от Руси до Португалии. Тем не менее этого недостаточно, чтобы считать данный континент единым целым. Слишком отличались друг от друга его страны. Все заявления об основополагающем европейском, и только европейском единстве беспочвенны даже сегодня, а применительно к Средним ве-

37–55, 73–95 и в первую очередь – К. Oschema, *Bilder von Europa im Mittelalter* (2013), esp. 195–315, 429–50.

кам это не более чем вымысел. Так что средневековая Европа – это просто обширное неоднородное пространство, рассматриваемое на протяженном временном отрезке, а кроме того, достаточно хорошо документированное, чтобы можно было вести разносторонние исследования. Ничего романтического в этом образе нет и не предполагалось. Однако увлекательного материала на этом пространственно-временном интервале хватает, и моя задача – его структурировать.

И последнее, о чем необходимо предупредить. Есть два распространенных подхода к Средневековью: представлять людей того времени «такими же, как мы», просто живущими в технологически менее развитом мире (мечи, лошади, пергамент и никакого центрального отопления), – или показывать их бесконечно далекими от нас, носителями совершенно непостижимых ценностей и мировоззрения, часто неприемлемых для нас и требующих значительной перестройки сознания, чтобы посмотреть на происходившее с точки зрения средневековой логики и мотивов. Оба подхода в той или иной степени верны, но если ограничиться лишь одним из них, он превращается в ловушку. Первый чреват скатыванием в банальность или морализаторство, проистекающее из досады на средневековых персонажей, которые почему-то упорно не понимают того, что нам кажется очевидным. Второй также опасен морализаторством, но гораздо больше – увлеченностью на грани умиления, когда историк-антрополог закапывается в восхитительно непривычном и непохо-

жем, иногда на уровне очень мелких деталей. Я бы попытался совместить эти два подхода и под более широким историческим углом взглянуть на то, как представители Средневековья принимали решения в реально существовавших политико-экономических условиях, исходя из реально исповедовавшихся принципов, «сами делая свою историю, но делая ее не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого»⁹. Маркс, которого я только что процитировал, не предполагал вживания в анализируемый исторический период, и я этого также не предполагаю, однако понимать мотивы различных деятелей в очень непохожем на наш, но все же не совсем неизвестном мире этот анализ и в самом деле требует. Как и история в целом. Как ни важно осознавать, что 980-е действительно отличались от нынешней эпохи и что для постижения тогдашних моральных принципов и политической логики необходимы определенные умственные усилия, то же самое не лишне бывает учитывать и применительно к 1980-м.

Оставшуюся часть вводной главы я хотел бы посвятить основным характеристикам организации и функционирования средневекового общества, проливающим свет на разные модели поведения и политические векторы, которые предстанут перед нами в этой книге. Сперва я обрисую особен-

⁹ Маркс К. 18-е брюмера Луи Бонапарта. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. – Т. 8.

ности политики, преимущественно середины средневекового периода, а затем коснусь экономики и основных особенностей средневековой культуры. Это не значит, что в Средневековье все мыслили и действовали одинаково; различия, как и всегда, были огромны, однако присутствовали и достаточно широко распространенные общие черты, отчасти обусловленные, как мы еще убедимся, базисными социально-экономическими моделями, характерными для всего периода.

Передвигаться по средневековой Европе было непросто. Сеть унаследованных от Римской империи дорог заканчивалась на римской границе, проходившей по Рейну и Дунаю, а в оставшейся части Германии, не говоря уже об областях, расположенных севернее и восточнее, их долгое время почти не существовало, и путешественники старались по возможности выбирать для перемещения водный путь и речные долины. Поскольку карт также не было, прокладывать новые пути рисковали только опытные и бывалые. Учитывая, что высокими горами – кроме Альп – Европа похвастаться не может, основную преграду представляли леса, покрывавшие большую часть континента, за исключением Британии и некоторых средиземноморских областей – около 50 % нынешней Германии, около 30 % нынешней Франции и еще более значительную часть Восточной Европы. Храбрые портняжки из сказок братьев Гримм, теряющиеся в дремучем лесу, – совсем не вымысел. В 1073 году германский импе-

ратор Генрих IV, стремительно отступая под напором великого саксонского восстания, вынужден был укрыться в лесу, поскольку дороги караулили саксонцы, и три дня скитался, голодая, прежде чем ему удалось вновь выйти в обжитые места. При этом даже по дорогам добраться куда-либо быстро не представлялось возможным. Когда тот же Генрих IV, уже одержав победу над саксонцами, в 1075–1076 годах вступил в политическое противоборство с папой Григорием VII, вскоре переросшее в обмен угрозами низложения, послания из южной Саксонии, а затем Утрехта (сейчас Нидерланды), где находился Генрих, шли до Рима почти месяц – и это с гонцами, самым быстрым способом связи до появления в XIX веке железных дорог¹⁰. Ландшафт таил в себе опасности, горы слыли не воплощением красоты и романтики, а скорее, прибежищем демонов и (в Скандинавии) троллей.

Однако не стоит думать, что повсюду царила дикость. Она присутствовала в качестве фона и порой даже прорывалась на передний план, но ничуть не мешала некоторым европейским государствам достигать достаточно крупных размеров, причем стабильно. Каролингская империя, как мы уже знаем, занимала половину Западной Европы, и почти так же далеко простиралась на землях нынешней России и Украины в XI веке власть Киевских князей, притом что к севе-

¹⁰ I. S. Robinson, *Henry IV of Germany, 1056–1106* (1999), 73–4, 140–50. В результате и Генрих, и Григорий довольно смутно представляли себе политическую позицию и принципы друг друга. См.: H. Vollrath, 'Sutri 1046 – Canossa 1077 – Rome 1111' (2012), 147–9.

ру от степей почти все пространство покрывали леса. Люди путешествовали. Правители нередко все свое царствование проводили в походах – английский король Иоанн Безземельный (1199–1216)¹¹ проезжал в среднем 20 километров в день, редко задерживаясь на одном месте дольше чем на несколько ночей¹². Крупным армиям доводилось преодолевать расстояния в тысячу и больше километров, как, например, во время кампаний германских императоров в Италии в X–XIII веках или пеших походов и морских плаваний крестоносцев, отправлявшихся завоевывать Палестину или Египет. Независимо от прочих результатов, с точки зрения логистики это был несомненный успех. Перемещалось и мирное население, пусть медленнее, – в частности, в ходе миграции германцев на обширные земли Восточной Европы после 1150 года. Итак: разумеется, нужно учитывать, что европейское пространство в целом было очень локализованным. Большинство средневековых европейцев действительно представляли себе окрестности лишь в пределах пары селений – обычно до ближайшего рынка. Где-нибудь на окраине королевства граф – то есть представитель короля в данной местности – мог зачастую какое-то время творить что заблагорассудится, поскольку король не имел возможности остановить его, а иногда и вовсе не подозревал о происходящем.

¹¹ Все даты в скобках после имен правителей обозначают годы правления. – *Прим. авт.*

¹² J. E. Kanter, 'Peripatetic and sedentary kingship' (2011), 12–15.

Затрудненность сообщения сильно осложняла дело. Однако в конце концов правитель, если он чего-то стоил, появлялся с войском (или присылал других графов приструнить зарвавшегося), и графы об этом помнили – что пресекало по крайней мере открытое вероломство. Были и другие механизмы управления, позволявшие распространить власть правителей довольно далеко и довольно надежно. Их мы рассмотрим в последующих главах. А в этой затронем некоторые основные правила осуществления политической власти, действовавшие почти на всем протяжении интересующего нас периода. Проиллюстрирую их на конкретном примере, а потом разберем его значение.

Летом 1159 года король Англии Генрих II (1154–1189) заявил права на южнофранцузское графство Тулузское. Генриху уже принадлежала почти половина Франции, герцогства и графства от Нормандии на севере до Пиренеев на юге, доставшиеся ему от родителей и в приданое от супруги Алиеноры, наследницы большого южного герцогства Аквитания. Наследственные притязания Алиеноры распространялись и на Тулузу, но сперва Генриху нужно было преодолеть сопротивление графа Тулузского. Всеми своими французскими землями Генрих владел, в 1158 году присягнув на верность французскому королю Людовику VII (1137–1180) и взяв на себя обязательство защищать его жизнь, однако Людовик, чья непосредственная власть ограничивалась Парижским регионом, не мог тягаться с Генрихом в военной мощи.

Летом Генрих вторгся в Тулузу с огромным войском, вероятно самым многочисленным из когда-либо им собранных: в походе приняли участие большинство подчинявшихся ему крупных английских и французских баронов и даже король Шотландии Малкольм IV, принесший ему вассальную присягу. Людовик не мог допустить дальнейшего расширения власти Генриха, а кроме того, граф Тулузы Раймунд V был его зятем, поэтому его требовалось поддержать, но как? Людовик прискакал в Тулузу с довольно немногочисленным сопровождением (и потому быстро), и, пока Генрих двигался туда с войском, король Франции закрепился в городе и начал организовывать оборону. Вполне возможно, Генрих взял бы город, несмотря на его укрепления, но теперь за стенами Тулузы находился его сюзерен. В одном источнике той эпохи говорится, что «он не пожелал осаждать Тулузу из почтения к королю Людовику Французскому, оборонявшему город от короля Генриха», а в другом (автор которого не был согласен с действиями Генриха), что он принял совет не нападать «из пустого предубеждения и преклонения». Иными словами, Генрих оказался в тупике. Если он нападет на сюзерена, которого поклялся защищать, чего будут стоить клятвы его собственных баронов в верности ему самому? И что он будет делать с плененным королем, оставаясь его вассалом? Поэтому он не стал нападать и, основательно разорив за лето окрестности, попросту отступил. Генрих, один из двух самых могущественных монархов Западной Европы, не риск-

нул прослыть клятвопреступником и предпочел пожертвовать (и это была крупная жертва) репутацией полководца¹³.

Решающую роль в этой ситуации сыграли личные взаимоотношения Генриха и Людовика. Они строились на церемониальных обязательствах – клятвах, вассальной присяге (официальном признании личной зависимости) – и очень тесно были связаны с понятием чести, а также принципами феодальной иерархии. В соответствии с этими принципами Генрих правил как вассал от имени короля Франции десятком французских графств и герцогств со всеми угодьями – тогда как в Англии, своем богатейшем и самом сплоченном владении, он был полновластным правителем и сюзереном. Перед нами пример так называемого военного феодализма: крупная знать и рыцари несли военную службу и хранили политическую верность сеньору в обмен на пожалования в виде земель или должностей от короля или сеньоров рангом ниже королевского и за нарушение клятвы могли этих пожалований лишиться. Находящихся в таком подчинении называли вассалами, а получаемые в условное пользование владения – феодами или ленами; отсюда термины «феодальный» и «вассально-ленный» в современной исто-

¹³ См. в первую очередь: J. Martindale, “An unfinished business” (2003), с некоторыми отличиями в интерпретации. Цитаты из Robert of Torigni, *Chronica* (1889), 203; William fitz Stephen, *Vita Sancti Thomae* (1877), с. 22. Следует учесть, что впоследствии, в 1173 году, Раймунд присягнул на верность Генриху и признал его сеньором, что помогло английскому королю сохранить лицо, хотя подлинных политических обязательств эта присяга не предполагала.

рической науке. Французские земли Генриха в источниках того периода часто называются *feoda*, бароны Генриха тоже явились в Тулузу главным образом как его вассалы, держатели пожалованных Генрихом земель. Между тем термин «феодализм» в последнее время вызывает много вопросов. Как отмечает Сьюзен Рейнольдс, военные и политические обязательства, равно как и понятия вроде «лен», редко отличались четкостью и однозначностью, особенно во Франции XII века. Многие критики подчеркивают, что слово «феодализм», не употреблявшееся непосредственно в Средние века, в устах современных авторов может принимать самые разные значения, становясь в результате бессмысленным и потому бесполезным. Мне же кажется, что смысл в нем по-прежнему есть – при наличии точного определения¹⁴. Если в данной книге я к этому термину прибегаю редко, то лишь потому, что стараюсь здесь максимально избегать специализированной лексики, а не потому, что он в чем-то заведомо проблематичнее других используемых историками терминов. Как бы то ни было, действия Генриха под Тулузой были продиктованы тем, что Людовик выступал сеньором Генриха в его французских владениях, а Генрих обладал таким же ста-

¹⁴ S. Reynolds, *Fiefs and vassals* (1994), особ. (об этом периоде) 266, 272–3. Против феодализма, например, E. A. R. Brown, 'The tyranny of a construct' (1974); D. Crouch, *The birth of nobility* (2005), 261–78. Недавние хорошие учитывающие историографию обзоры (особенно о «феодально-вассальном» направлении) см.: S. Patzold, *Das Lehnswesen* (2012); G. Albertoni, *Vassalli, feudi, feudalesimo* (2015). О различиях в значении см.: C. Wickham, 'Le forme del feudalesimo' (2000).

тусом по отношению к собственным баронам. Вассалитет, независимо от того, именовать ли его феодальным, бесспорно повлиял на исход этого противостояния.

В значительной мере такое положение дел было обусловлено тем, что высшее сословие несло военную службу не за плату. Услугами наемников в XII веке пользовались, наемной была основная масса пехоты (в том числе в войске Генриха в 1159 году), однако конники и военачальники, даже если и получали частичную оплату, имели, прежде всего, личные обязательства либо перед королем, либо перед сеньором, а то и перед тем и другим одновременно¹⁵. В Римской империи армия, намного превосходившая размерами средневековые и к тому же регулярная, была полностью наемной. Для ее содержания приходилось взимать высокие налоги с земледельцев, поскольку основным источником государственных доходов была земля. Тем самым обеспечивалось единство государства, и в основном именно упразднение прежней налогово-бюджетной системы (см. главу 2) привело к тому, что раннесредневековые преемники Римской империи не могли тягаться с ней в могуществе. Аналогичным образом функционировали Византийская и Османская империи, сохраняя преемственность в Юго-Восточной Европе на всем протяжении Средних веков, как будет показано в главах 3 и 9. В конце Средневековья общее налогообложе-

¹⁵ J. France, *Western warfare in the age of the Crusades, 1000–1300* (1999), 59–62, 68–75.

ние вернется и в Западную Европу, хотя и уступая римскому масштабам и эффективностью. С одной стороны, оно реструктурирует ресурсы правителей, а с другой – создаст новые сложности: в частности, вынудит монархов заручаться согласием представителей знати и горожан, которым предстояло нести бремя финансирования армии (точнее, перекладывать его на своих крестьян). Из глав 11 и 12 станет ясно, как это сказалось на политической динамике позднесредневекового Запада. Однако в XII веке во Франции и почти на всем протяжении Средних веков в большей части Европы земельный налог взимался разве что в виде мелких податей. В результате армии формировались за счет военных обязательств землевладельцев или за счет раздачи земель, на которых могли селиться военные, а при использовании наемников – за счет выплаты им жалованья из доходов от земельных ресурсов королей или графов, а также из отступных, которыми откупались землевладельцы, не желавшие служить. В этих условиях воинская служба (а значит, и комплектование армии) в значительной степени зависела от личных взаимоотношений, связанных с владением землей.

Эту политику землевладения подробно – с непревзойденной взвешенностью – анализировал великий французский историк Марк Блок в 1940 году. (Он называл это базирующееся на землевладении общество феодальным, не сводя определение термина к феодам и вассалам.) Блок доказывал, что феодальное общество подразумевает «раздробленность

власти»: оно способствует децентрализации политического устройства, потому что (это упрощенное изложение мысли Блока) при изначальной ограниченности владений чем больше вы раздаете, тем меньше остается вам, и в будущем одеваемая землями знать может утратить готовность повиноваться, если вам станет нечего жаловать¹⁶. Как мы увидим ниже, дело обстояло не совсем так, особенно в раннем Средневековье. Например, Каролингам отсутствие налогообложения не помешало править весьма обширной по любым более поздним меркам территорией. Тем не менее нельзя отрицать, что государства, полагающиеся на налогообложение, всегда намного устойчивее тех, что вознаграждают за военную службу или политическую лояльность земельными наделами. Намные военные и чиновники надежнее жалуемых земель – провинившимся и некомпетентным можно просто перестать платить. Правитель, средства которого проистекают исключительно от землевладения, вынужден, если ему (гораздо реже – ей) хочется добиться политического успеха, действовать с оглядкой, особенно в отношениях со знатными военачальниками, у которых сложно будет отобрать угоды. Этим отличалось большинство средневековых политических укладов.

Может показаться, что мы уклонились от обсуждения политической деятельности и неоправданно перескочили на военную службу. Однако в интересующий нас период гра-

¹⁶ M. Bloch, *La société féodale* (1940), vol. 2, 249, в английском издании, *Feudal society*, 446, данное место переведено не вполне точно.

ница между ними была стерта. На протяжении всего Средневековья управление государством покоилось на двух «ки-тах» – организации закона и порядка и военном деле. Политическая верность была неотделима от готовности сражаться, и поэтому земельная аристократия в Средние века почти всегда имела военную выучку и принадлежала к военному сословию, в чем мы еще не раз убедимся. Хотя военные победы и справедливость правителей (в том числе способность заставить противника признать поражение, охватывающая оба аспекта) часто воспевались как источник экономического благополучия государства – при этом стихийное бедствие могли счесть карой за несправедливость государя, – ответственности за экономическое развитие от них никто не ждал. Забота о бедняках возлагалась на местную общину и церковную благотворительность, за образование платили в частном порядке, за лечение тоже. Ограниченность государственной сферы в Западной Европе и ее прочная привязка к личным взаимоотношениям дала некоторым влиятельным историкам повод заявить о бессмысленности применения термина «государство» к средневековым политическим образованиям¹⁷. Как будет видно из последующих глав, я это мнение не разделяю и буду доказывать, что и полномочия королей раннего Средневековья, и усложняющиеся системы

¹⁷ В числе главных недавних примеров J. Fried, 'Gens und regnum' (1994), 73–104 (но см., например: S. Airlie et al., *Staat im frühen Mittelalter* (2006)); R. Davies, 'The medieval state' (2003) (но см., например: S. Reynolds, 'There were states in medieval Europe' (2003)).

управления начиная с XIII века вполне можно характеризовать как государственную власть. Соответственно, термин «государство» будет применяться в данной книге к большинству европейских политических систем, за исключением самых примитивных, существовавших в северной части континента. Однако, независимо от характеристик, сфера полномочий этой власти в самом деле была ограниченной.

Вернемся к Генриху II и Людовику VII: в 1159 году феодалное землевладение находилось в расцвете. Генрих даже намеревался упразднить в Англии остатки земельного налога, который английские короли, единственные в католической Европе, собирали уже больше века¹⁸. Может быть, он хотел устранить тем самым повод к возникновению оппозиции, а может, очевидным образом сознавал, что в заведомо конечной игре с пожалованием земель у него уже достаточно ресурсов, чтобы рассчитывать на преданность и благодарность костяка своей знати, как французской, так и английской. На Пасху и в Рождество, а также в другие праздники эта знать созывалась ко двору короля и принимала участие в церемониях. Церемониальная культура, формировавшаяся вокруг Генриха II и других правителей, имела собственный этикет и правила игры и также способствовала укреплению верноподданничества¹⁹. И в целом относительно устой-

¹⁸ J. A. Green, 'The last century of Danegeld' (1981).

¹⁹ О политических играх см. в первую очередь: G. Althoff, *Spielregeln der Politik im Mittelalter* (1997). О собственном придворном этикете и играх у самого Ген-

чивости своего положения Генрих был прав. Но даже он не рискнул рубить сук, на котором сидел – то есть принцип вассальной верности, – и нарушить свою клятву, принесенную Людовику. Как мы видим, вассально-ленные отношения не обязательно влекли за собой циничные маневры землевладельцев, только и ждущих возможности обособиться от терпящего власть правителя. Обязательства, связанные с принятием земли в дар, а также понятие чести, неотделимое от понятия верности, также имели значение. Запятнавшему себя бесчестьем трудно было смыть позор, поэтому действовать следовало с осторожностью, и в политике Средних веков очень многое зависело от того, чтобы не приблизиться к той грани, за которой ты опорочишь себя окончательно и бесповоротно, – к этому моменту я очень скоро вернусь. Более того, в XII веке права дворян и обязательства, накладываемые клятвой верности, формулировались четче, о чем прекрасно знали и не упускали возможность воспользоваться этим в других ситуациях и Людовик, и Генрих. Может быть, некоторые дворяне того времени и решались рисковать клятвами и честью, но Генрих был слишком опытным игроком, чтобы пойти на это. Как бы то ни было, отношения власти, в рамках которых разыгрывались эти вассальные игры, целиком и полностью складывались вокруг земельного держания. Разобравшись в этой системе, мы значительно продвинемся в понимании средневековой европейской полити-

ки, поскольку не охваченными ею оставались только более сильные государственные системы Византии, Османской империи и Аль-Андалуса – мусульманской Испании.

Теперь обратимся к экономике. Основную идею, которая красной нитью пройдет через всю книгу, можно изложить в двух словах. Как мы уже видели, для средневековых политических образований главным фактором единства и процветания выступало владение землей. Причина проста: любое доиндустриальное общество зависит в первую очередь от сельскохозяйственного производства. Ничего даже отдаленно похожего на фабрики не существовало ни в Средние века, ни долгое время после. Ремесленники, иногда вполне многочисленные, трудились и в городах Египта X века, и в северной Италии и Фландрии XIII столетия, кустарным способом производя ткани или металлические изделия в количестве, достаточном для продажи на ярмарках по всей Европе, однако доступные им технологии все равно уступали производственным возможностям будущего. Но самое главное – ремесленники составляли очень ограниченную долю населения: после 1200 года в европейских городах, часто крошечных, проживало не более одной пятой всего населения Европы, а до того – еще меньше. (Точные цифры лежат в области предположений, поскольку данных у нас нет, однако на пропорцию ориентироваться можно. Подробнее мы обсудим это в главе 7.) Кроме того, примерно с 950 года велась добыча железа и серебра для чеканки европейских монет, од-

нако в этой отрасли занятость была еще ниже. Большинство населения – свыше четырех пятых в раннем Средневековье и немногим меньше в более поздние времена – составляло крестьянство: эти люди трудились непосредственно на земле в условиях натурального хозяйства, на более или менее фиксированных наделах и в постоянных поселениях (обычно деревнях, иногда на обособленных крестьянских хуторах). На сельскохозяйственную продукцию приходилась основная доля производимого человеческим трудом в Средние века, и поэтому контроль над ней и, соответственно, над землей, ее рождавшей, имел принципиальное значение.

Но кто же распоряжался землей и сельскохозяйственным производством? В некоторых случаях – сами крестьяне, в частности там, где практиковалось крестьянское землевладение, прежде всего в Северной и Восточной Европе, особенно в первой половине средневекового тысячелетия, хотя крестьяне-собственники существовали и на юге, в Испании, Италии и Византии. При этом на территориях, где применялось налогообложение, – как у византийцев и арабов, а в позднем Средневековье и во многих западных королевствах и городах-государствах, – а также там, где властители собирали подати натурой с независимого крестьянства, как первые князья на большей части Восточной Европы, земельные ресурсы отчасти контролировались правителями, даже если те не являлись ее непосредственными владельцами. Однако основная территория Европы всегда принадлежала не пред-

ставителям крестьянского сословия, а землевладельцам, доходы которых – и неплохие – складывались из ренты, взимаемой с крестьян-арендаторов. (До 1200 года наемный труд на земле был крайней редкостью.) Землевладельцами были представители военного дворянства, о чьей верности (или неверности) государю мы говорили выше, и крупные церкви (на церковные земли могло приходиться до трети общей площади королевства), и именно они составляли аристократическую верхушку Европы. Также землевладельцами были и сами короли, поэтому, если они не прибегали к налогообложению, доходы поступали к ним главным образом от земель, находившихся в их непосредственном владении. Соответственно, богатство феодалов – короля, духовной и светской знати – обеспечивалось тем, что можно было взять с крестьянства – силой или под угрозой ее применения.

Это, разумеется, не означало, что каждый бушель зерна выбивали силой. У феодалов просто не хватило бы дружины, учитывая, что крестьяне составляли большинство населения. На деле крестьяне, как правило, соглашались на арендную плату, а господа зачастую исходили из того, что со временем уговор перерастет в обычай и его уже не изменишь. Однако выплату ренты гарантировало наличие у господина возможности силового воздействия – дружины, которой он командовал. Сбор ренты проходил под надзором вооруженного отряда (как и сбор налогов, вызывавший еще большее неприятие у населения). Протесты крестьян, сами по се-

бе достаточно бурные, скажем против произвольного повышения ренты и податей, разумеется, жестоко подавлялись. У строптивых крестьян изымали и уничтожали продукцию, применяли к ним побои, отрубание конечностей, пытки. И если последние вызывали у авторов средневековых источников явное отторжение, то к побоям и увечьям они обычно относились более снисходительно. (Исторические документы в большинстве своем написаны церковниками, которые порицали прегрешения знати, но строптивых крестьян жаловали еще меньше.)²⁰ Подчеркну: такое происходило не со всеми, но могло произойти, и крестьяне об этом знали. Иными словами, насилие в средневековом аграрном обществе было делом обычным. Иногда крестьяне все равно оказывали сопротивление и даже преуспевали в этом, но в основном они оставались в подчинении у господ.

Часть крестьян была юридически свободна, часть – нет. В разных территориальных областях свобода – де-юре или де-факто (а это было далеко не одно и то же) – означала разное, однако несомненно предполагала полноценное участие свободного крестьянства в общественной жизни – например, в собраниях, игравших большую роль в раннесредневеко-

²⁰ Т. N. Bisson, *Tormented voices* (1998) дает четкое представление о взглядах крестьян на подобные вымогательства, выраженных в жалобах на господ в XII веке и позже в Каталонии, которая представляла собой типичный пример региона, где землевладельцы расширяли список повинностей в рамках 'seigneurie banale' (см. главу 6). О массовом презрении к крестьянам со стороны землевладельческого класса см.: P. Freedman, *Images of the medieval peasant* (1999).

вой политике, – а также возможность воззвать к правосудию. Если такие крестьяне выступали арендаторами, свобода зачастую подразумевала более низкую ренту. Зависимые крестьяне (на латыни называвшиеся *servi* или *mancipia*) различались между собой еще больше. В древности термин «серв» подразумевал рабство: многие сервы обрабатывали землю на плантациях, пусть и относительно редких ко временам поздней Римской империи, а рабы в качестве домашней прислуги имелись во многих местностях на всем протяжении Средних веков. Однако в общем и целом в средневековый период большинство сервов были крестьянами-арендаторами. Сервы ущемлялись в гражданских правах, по определению распространявшихся лишь на свободных граждан, и не только платили более высокую ренту, но зачастую должны были выполнять неоплачиваемую, считавшуюся унижительной работу. Однако землей они пользовались на схожих со свободными крестьянами условиях, поэтому рабами их не назовешь, и я буду именовать их зависимыми. В каждом селении складывалась довольно сложная внутренняя иерархия между свободными и зависимыми арендаторами, особенно в раннем Средневековье. С течением времени на большей части Европы эта тенденция слабела, общий статус экономически зависимых перекрывал юридические различия, и свободные часто вступали в брак с зависимыми (хотя законом такие союзы долгое время строго воспрещались). Поскольку землевладельцы усиливали гнет и по отношению к свободным арен-

даторам, обе категории зачастую – начиная примерно с 1000 года – оказывались в схожем юридически зависимом положении, которое часто называется «серваж» (от французского *serf*, происходящего, в свою очередь, от латинского *servus*). В раннем Средневековье крестьянские бунты зачастую возникали из-за попыток перевести свободных крестьян в категорию зависимых. К XI–XII векам гораздо чаще поводом становились непосредственные условия экономической зависимости, к тому времени более распространенной (см. главу 7), и деление на свободных и зависимых играло меньшую роль. Однако значение оно все же имело; например, и в Англии, и в Каталонии после 1200 года имелись свободные арендаторы, не считавшиеся сервами, и отмена серважа в XV веке стала важной переменной²¹.

Динамика взаимоотношений землевладельцев и крестьян обуславливала в Средние века не только экономическое, но и социально-политическое развитие. Она обозначала границы, присущие социальному расслоению (см. главу 10), и именно на нее опиралась вся земельная политика, о которой говорилось выше. В последующих главах мы увидим, как

²¹ О раннем Средневековье см., например: C. Wickham, *Framing the early middle ages* (2005), 259–65, 558–66; A. Rio, *Slavery after Rome, 500–1100* (2016). О периоде после 1000 года (рубеж весьма приблизительный) см.: F. Panero, *Schiavi servi e villani nell'Italia medievale* (1999); D. Barthélemy, *La mutation de l'an mil a-t-elle eu lieu?* (1997), 57–171; и в первую очередь P. Freedman and M. Bourin, *Forms of servitude in northern and central Europe* (2005). О Каталонии см.: P. Freedman, *The origins of peasant servitude in medieval Catalonia* (1991).

менялась эта динамика в разные периоды и при разных обстоятельствах: как в Северной Европе крестьянство теряло свою независимость во второй половине Средних веков (глава 5); как изменился характер сеньориального землевладения в Западной Европе XI века, принеся с собой множество дополнительных повинностей, насильственно взимавшихся с местного крестьянского населения (глава 6); как отразился экономический подъем середины средневекового периода на благополучии крестьян и господ и на выстраивании отношений между ними (глава 7); как возникло и насколько успешным было позднесредневековое крестьянское сопротивление землевладельцам и государству (глава 12). Однако на протяжении всей книги важно учитывать простую истину: богатство и политическая власть строились на эксплуатации крестьянского большинства. Вся экономическая динамика средневекового общественного строя, включая любые изменения, которые мы обычно называем экономическим «развитием» – рост числа и размеров рынков, рост городов и ремесленного производства в расчете в основном на аристократический спрос, – держалась на неравенстве между землевладельцами и крестьянами и на излишках, которые первым удавалось изъять у вторых. Разумеется, это не значит, что крестьяне будут упоминаться на каждой странице, но почти все, что упоминаться будет, существовало за счет излишков, подневольно отдаваемых в качестве ренты, и забывать об этом было бы ошибкой.

Что касается базовой средневековой культурной парадигмы, тут обобщать сложнее – и сложнее делать выборку. Здесь я обозначу только три аспекта средневековой культуры, включающие в себя представления, несколько более других распространенные на территории Европы, – отношение к чести, полу и религии. Каждый из них еще появится на страницах этой книги и будет разобран подробнее, применительно к конкретным областям и периодам, однако некоторое предисловие необходимо. Как мы уже видели, честь служила мощной движущей силой в политических отношениях в середине Средних веков – как, впрочем, и прежде, и после. Трудно переоценить, насколько важно было сохранять репутацию человека честного и благородного в любой части Европы в любой период для представителя любого средневекового сословия, в том числе крестьянского, даже если другие зачастую считали, что у крестьян чести нет; в том числе и для женщин, даже если окружающие зачастую подразумевали под честью женщины честь ее мужской родни. Обвинения в вероломстве, трусости, воровстве, незаконной половой связи (для женщин), а также положение рогоносца (для мужчин) – все это угрожало потерей чести. Если человека ловили на воровстве, ему грозила смерть (кража, совершаемая тайно, в большей части средневековой Европы считалась хуже убийства, получающего огласку), а если он и оставался в живых, то лишался доброго имени – того, что в позднем Средневековье называлось *fama*, и это значило, что он

не мог свидетельствовать в суде, а в некоторых случаях даже и приносить присягу. Это само по себе становилось серьезной проблемой, поскольку присяги и клятвы были неотъемлемой частью не только политики, но и судебных процедур, и потому утрата честного имени во многом лишала человека юридической защиты²².

Мужчины защищали свою честь от подобных обвинений, а также крупных или мелких оскорблений другого рода официальными клятвами – а иногда силой, не размениваясь на слова. Сила сама по себе была достаточно весомым аргументом в судебных разбирательствах: покушение на чужую собственность демонстрировало достаточную серьезность намерений и готовность к судебному противостоянию. Если же вы не защитили свою собственность от посягательств, возможно, ваши права на нее не так уж неоспоримы. Крестьяне носили ножи и пускали их в ход; статистика убийств в средневековых английских деревнях не слишком отстает от показателей самых неблагополучных в криминальном отношении американских городов XX века²³. Оскорбленные представители знати в среднем и позднем Средневековье напада-

²² См., например: T. B. Lambert, 'Theft, homicide and crime in late Anglo-Saxon law' (2012); T. Fenster and D. Smail, *Fama* (2003). О чести в раннесредневековом контексте см.: Smith, *Europe after Rome*, 100–14.

²³ T. R. Gurr, 'Historical trends in violent crime' (1981). О стратегическом применении силы в контексте придворной борьбы см., например: C. Wickham, *Courts and conflict in twelfth-century Tuscany* (1998), 85–8, 199–222. О насилии как норме см. на примере Франции ок. 1300 года: H. Skoda, *Medieval violence* (2013).

ли на земли и замки обидчика (дуэли до самого конца Средних веков и позже были не так распространены). Убийство из мести было в порядке вещей и честь убившего не пятнало. Нельзя сказать, что в большинстве стран средневековой Европы кровная вражда была неотъемлемой частью уклада. Если не брать явные исключения (Исландию, например, и позднесредневековую итальянскую городскую верхушку), применение насилия в основном было однократным, и дело решалось компенсацией и/или судебным разбирательством. При этом если череду насильственных действий, которую мы зовем кровной враждой, прекращали с помощью денег и подарков, это тоже могли расценить как бесчестье, поэтому, и вступая на путь вражды, и сходя с него, приходилось вести себя осмотрительно, чтобы не уронить собственное достоинство. Даже церковники, задачей которых было прекращение насилия (чему у нас имеется немало примеров), эту логику понимали. Так, епископ Григорий Турский (ум. в 594), написавший очень подробную «Историю франков», повествует о знатном жителе Тура по имени Храмнезинд, который согласился принять денежное возмещение за гибель своих родственников от руки другого знатного горожанина, Сихара, и через несколько лет после той распри сел за пиршественный стол со своим бывшим врагом. Разгоряченный вином Сихар заявил, что Храмнезинд озолотился за счет полученного возмещения. И Храмнезинд подумал (сообщает нам Григорий): «Если я не отомщу за гибель своих родственни-

ков, я не достоин называться мужчиной, а должен буду называться слабой женщиной» – и прикончил Сихара на месте. Григорий этот порыв явно одобряет, хотя именно он в свое время посредничал при возмещении ущерба. Оскорбительное заявление Сихара, который, по сути, назвал Храмнезинда трусом, нажившимся на гибели родственников, привело бы к кровопролитию во многих средневековых сообществах. Примерно так же, насколько нам известно, началась знаменитая кровная вражда Буондельмонти и Арриги во Флоренции XIII века²⁴.

Подчеркну: это не значит, что в любом средневековом обществе бытовали одинаковые принципы. Представлением о «средневековом мышлении» злоупотребляют слишком многие авторы, в особенности те, кто стремится доказать, что средневековый человек был не в состоянии «рационально» обдумывать те или иные общественные и религиозные вопросы. И этого тезиса вы в моей книге тоже не найдете. Честь определенно понимали по-разному. Наличие внебрачных детей обычно не порочило мужчину нигде (даже если в некоторых местностях – не во всех – это обстоятельство

²⁴ W. I. Miller, *Bloodtaking and peacemaking* (1990), об Исландии; Gregory of Tours, *Decem libri historiarum* (1951), 9.19, для сравнения – 7.47; C. Lansing, *The Florentine magnates* (1991), 166–8 – о Буондельмонте ди Буондельмонти. О расплывчатости общего определения «кровной вражды» см.: G. Halsall, 'Violence and society in the early medieval West' (1998); о том, как она переходит в междоусобную войну, см.: позднесредневековые источники, приведенные в Н. Kaminsky, 'The noble feud in the middle ages' (2002); однако библиография там обширная.

юридически осложняло жизнь самим детям), но только в отдельных случаях – в частности, в позднесредневековой Ирландии, – считалось позором не признать явившегося на порог с заявлением, что он ваш внебрачный ребенок. У ирландских лордов таких детей набиралось много, зачастую на совершенно эфемерных основаниях²⁵. Тем не менее о повсеместной приемлемости защиты чести силой можно говорить с уверенностью. И, как следует из цитаты о Храмнезинде, акцент делался на мужском начале, утверждении себя как мужчины. Еще сильнее этот мотив самоутверждения включался, когда ссорящиеся находились в подпитии, что случалось часто – очень многие оскорбления, становившиеся поводом к насилию, наносились во время возлияний. (Император Карл Великий, по утверждению его биографа Эйнгарда, пить не любил. Утверждение сомнительное, однако явно призванное подчеркнуть исключительность правителя.) При этом распитие пива, вина и меда таило в себе не только риск: это был стандартный способ закрепить верность. Если люди пьют за одним столом (впрочем, и едят тоже), значит, имеют взаимные обязательства; если вы пьете на пиру у господина, значит, обязуетесь сражаться за него и уроните честь, если отступитесь. Распространенный в средневековых сказаниях сюжет – имеющий в своей основе подлинные события – когда врагов приглашали на пир, чтобы помириться, а на пиру убивали. Стратегически оправданный ход – ведь за столом

²⁵ K. W. Nicholls, *Gaelic and Gaelicized Ireland in the middle ages* (1993), 98–100.

противник не ожидает подвоха, – но совершенно бесчестный²⁶. И сами по себе совместные возлияния – тоже очень мужское занятие. Во многих средневековых обществах женщины на такие пиры не допускались – за исключением супруги устроителя пира, находившейся на особом положении.

Для женщин пространство в этом обществе было сильно ограничено. Гендерные роли были четко расписаны: в крестьянском обществе пахать мог только мужчина, а прясть – женщина, и подобные нормы были довольно широко распространены во времени и пространстве (например, в Китае действовало такое же правило). В большинстве средневековых обществ женщине не прощался даже намек на интимные вольности, приемлемые для гетеросексуальных мужчин; решение вопросов силой им тоже было заказано – за них дрались и сражались мужчины. Иногда женщина и вовсе не имела общественных прав – в раннесредневековой Италии и Ирландии, например, женщин перед законом представляли мужчины, и наследовать землю им было сложно. Однако такие крайности являлись, скорее, исключением, и во множестве других средневековых обществ женщины и мужчины наделялись равными правами наследования, допускалось появление женщин в суде и даже (пусть реже) участие

²⁶ Einhard, *Vita Karoli Magni* (1911), с. 24; о необходимости возлияний см., например: лейтмотив раннесредневековой валлийской поэмы *Y Gododdin*. Сюжеты с убийством за пиршественным столом см., например, у *Gregory of Tours, Decem libri historiarum*, 10.27 – достаточно наглядное описание.

в общественных собраниях²⁷. Встречались в Средневековье и женщины, облеченные политической властью, – правившие либо от лица детей после смерти мужа, либо, в более редких случаях, как правило в позднем Средневековье, – как наследницы при отсутствии братьев. Некоторые королевы, такие как Маргарита Датская или Изабелла Кастильская в XV веке, справлялись с полномочиями правителей более чем успешно. В главах о раннем Средневековье перед нами также предстанет не одна могущественная королева-мать.

К вопросам гендерных ролей я еще вернусь в главе 10 – мы будем рассматривать их более подробно в позднесредневековом контексте, когда сможем, наконец, поговорить не только о королевах и представительницах высшей знати. Предварительно скажу лишь, что основное различие между ранним и поздним Средневековьем – на большей части Европы, по крайней мере, – я вижу в росте многозначности женской роли по мере постепенного усложнения обще-

²⁷ P. Skinner, *Women in medieval Italian society, 500–1200* (2001), 35–47 об Италии; F. Kelly, *A guide to early Irish law* (1988), 104–5. В целом о раннем Средневековье см.: Smith, *Europe after Rome*, 115–47; L. Brubaker and J. M. H. Smith, *Gender in the early medieval world* (2004); L. M. Bitel, *Women in early medieval Europe, 400–1000* (2002). О второй половине Средних веков (но с важными отсылками к более раннему периоду) основы можно найти в J. M. Bennett and R. M. Karras, *The Oxford handbook of women and gender in medieval Europe* (2013). О женском представительстве на собраниях в поздней англосаксонской Англии см.: A. J. Robertson, *Anglo-Saxon charters* (1939), nn. 66, 78; J. Crick, *Charters of St Albans* (2007), n. 7. О стереотипах в Китае см.: Li Bozhong, *Agricultural development in Jiangnan, 1620–1850* (1998), 143.

ственных отношений. Юридические ограничения, поначалу иногда довольно суровые, впоследствии зачастую несколько сглаживались, хотя в вопросах наследования к женщинам никогда не бывали благосклонны (в ряде мест наследовать стало даже сложнее) и их роль всегда была ограниченной. Отчасти это объяснимо, если оценить, в каком положении тогда находились мужчины: человек, боящийся насилия (как большинство современных мужчин), имел мало шансов на долгую жизнь в обществе, в котором от него требовалось участие в военных действиях, и едва ли пользовался бы уважением в деревне – если только он не был служителем церкви, что в какой-то мере освобождало от необходимости применять силу. (Однако нельзя не отметить, что многие церковники охотно сражались в войнах; и наоборот, на смиренных церковников с их обетом безбрачия часто поглядывали с некоторым презрением в силу неопределенности их гендерного статуса.) Таким образом, вопросы чести регламентировали публичное мужское поведение не менее строго, чем женское, хоть и в другом ключе²⁸. Однако самые жесткие ограничения всегда касались женщин. Общество в Средневековье – впрочем, не только в Средневековье – было ориентировано на мужчин.

Если же говорить о религии, то, как ни банально утвер-

²⁸ Общие сведения см.: C. A. Lees, *Medieval masculinities* (1994); D. M. Hadley, *Masculinity in medieval Europe* (1999). О выучке, необходимой для участия в сражениях в раннем Средневековье, см.: G. Halsall, *Warfare and society in the barbarian West, 450–900* (2003), 177–214.

ждение, что средневековый человек был религиозен, религиозными действительно были все – и иудеи, и мусульмане, и язычники, и христиане, составлявшие в позднем Средневековье в Европе большинство. (Что касается атеистов, если они и существовали, то почти всегда оставались в тени²⁹.) Эта прописная истина часто объясняется «властью Церкви» – дескать, проповедники внушали пастве смирение и покорность, страшая вечными муками в аду и так далее. На самом деле такие проповеди были характерны, скорее, для начала Нового времени с его соперничеством протестантства и католичества. До того деятели Церкви, как правило, хорошо отдавали себе отчет в том, как много они могут требовать от паствы, – если в принципе проповедовали, поскольку проповеди, хоть и существовали всегда и получили новое развитие начиная с конца XII века, не являлись непременно атрибутом их деятельности³⁰. Но вместе с тем, несмотря на постоянные, из века в век повторяющиеся жалобы духовенства на нежелание мирян следовать наставлениям Церкви, рассчитывать на то, что паства воспримет основные принципы христианской веры, церковники могли. Да, у мирян представление об этих принципах не всегда совпадало с церковным, и в разные периоды священники реагировали на это расхож-

²⁹ См.: гл. 8 о разных вариантах скептических реакций местного населения на основные христианские обряды и догмы; но скепсис – это не то же самое, что полное неверие, которое, судя по всему, было редкостью: см.: J. N. Arnold, *Belief and unbelief in medieval Europe* (2005), 225–30.

³⁰ См.: гл. 8 о проповедовании.

дение по-разному. В раннем Средневековье они порицали «языческие», с их точки зрения, пережитки, в частности, обряды, казавшиеся несовместимыми с христианским учением. В более поздние века поводом для недовольства в основном выступали распространенные виды «греховных» поступков либо, примерно после 1000 года, ереси – то есть богословские учения, которые Церковь, латинская или греческая, расценивала как противоречащие своей доктрине, особенно если они отвергали церковную иерархию. Надо сказать, что миряне не всегда уступали моралистам-церковникам в строгости соблюдения заповедей. Все монашеское движение, а позже и нищенствующие ордена были светскими (рукоположенное священство составляло в мужских монастырях меньшинство, а в женских отсутствовало вовсе, поскольку сан мог принять только мужчина). В этих случаях человек по собственному почину принимал обязательство соблюдать христианский обычай в зачастую крайне строгой его форме, хотя, как правило, законность этому обету придавали не менее строгие формы повиновения настоятелю/настоятельнице, а в их лице – церковному ордену, однако эти обеты не предполагали или, по крайней мере, не должны были предполагать автономных верований. Далее – в главах 8, 10 и 12 – мы еще увидим, к чему приводило формирование собственных богословских и духовных взглядов в тех или иных объединениях мирян начиная с 1150 года. Но ясно, что христианское мирское сообщество, независимо от того,

насколько хорошо оно разбиралось в тонкостях доктрины и было готово следовать призывам церковников, особенно в том, что касалось интимных отношений и «благородного насилия», отводило религии крайне важную роль, и распространена она была повсеместно.

Подчеркиваю это обстоятельство не потому, что кто-то его оспаривает, а потому, что мы не всегда осознаем в полной мере, что из этого следует. Светские и религиозные мотивы историки зачастую разделяют и относят к потенциально или действительно противоборствующим категориям. Когда знать основывала монастыри или дарила им большие земельные наделы, а своих родственников назначала настоятелями, она делала это из религиозных побуждений, приводимых в дарственных (обмен сокровищ земных на сокровища небесные и т. п.), или чтобы находящийся под контролем данного знатного рода монастырь служил долгосрочным вложением в виде земельных угодий на случай, если семья разрастется и землю придется делить? Короли ставили во главе епархии собственных капелланов и других придворных потому, что видели в них образец добродетели и идеальную кандидатуру на должность епископа, или потому, что стремились укрепить свою власть в отдаленных частях королевства и назначали самых верных и надежных туда, где требовался крепкий оплот? Сыновья франкского императора Людовика Благочестивого вынудили его совершить публичное покаяние в 833 году (см. главу 4), поскольку значитель-

ная доля франкского политического класса считала его грехи слишком тяжкими и, как следствие, угрожающими нравственному облику империи, или потому что сыновья хотели нейтрализовать его и добивались окончательного отречения от власти в их пользу? Крестоносцев вел с распятием в руках в Палестину в 1096 году религиозный пыл (см. главу 6), желание выволить христианские святыни из рук иноверцев или религиозными мотивами они попросту оправдывали захват чужих земель? Почти каждый из этих вопросов предполагает ответ «да» на обе его части, но гораздо важнее осознавать, что эти противопоставления на самом деле условны: оба мотива были неразрывны и в сознании средневекового человека существовали как единое целое. Разумеется, одни политические деятели были циничнее, другие – набожнее, но ни те ни другие – за исключением разве что немногих религиозных фанатиков – не увидели бы противопоставления в мотивах, которые мы нороем рассортировать. Своекорыстие значительной доли средневековой религиозной риторики, особенно исходящей из уст облеченных властью, нам зачастую более чем очевидно, однако лицемерия в ней не было. Возможно, именно лицемерие (нам) было бы проще объяснить, однако почти каждый из этих людей действительно верил в то, что говорил. И нам нужно учитывать это при оценке любых средневековых политических действий и поступков, даже самых хитроумно спланированных.

Это лишь введение, предисловие к тому, о чем мы будем

говорить дальше. В последующих главах основное внимание будет уделено переломным моментам и ключевым для понимания этапам развития, которые я обрисовал в начале главы. Кроме того, на протяжении всей книги мы будем наблюдать, как исходные общие условия на каждой стадии дальнейшего развития варьировались: раннесредневековый уклад очень сильно отличался от позднесредневекового, франкский – от византийского и так далее. Этими различиями в значительной степени и интересно средневековое тысячелетие, однако в то же время из частей складывается целое. Между разными средневековыми обществами существовали экономические, социальные, политические и культурные параллели, стоящие того, чтобы отслеживать и объяснять их. Я постараюсь по мере возможности заняться и этим – насколько позволит необходимость ограничить анализ тысячи лет Средневековья вчетверо меньшим количеством страниц.

Глава 2

Рим и его западные преемники 500–750 гг.

Почему пала Римская империя? Если коротко – она не пала. Половина империи – восточная, со столицей в Константинополе, занимавшая территорию нынешних Балкан, Турции, Египта и стран Леванта, – благополучно пережила раскол и завоевание западной части (нынешней Франции, Испании, Италии, севера Африки, Британии) иноземцами, произошедшие в V веке. Как мы убедимся в следующей главе, не сломили ее и массовые нашествия два века спустя. Восточная Римская империя – которую мы далее будем называть Византийской, хотя ее подданные до самого конца именовали себя римлянами (ромеями), – продержалась еще тысячу лет, пока последние ее земли не покорились в XV веке османам. Те, переняв у Византии (Рима) ряд основополагающих принципов финансового и административного устройства, принялись строить собственную империю со столицей в бывшем Константинополе, ныне Стамбуле. Таким образом, в определенном смысле Римская империя просуществовала до Первой мировой войны, когда рухнуло и Османское государство.

Я говорю это не для того, чтобы создать образ прошлого,

которое никогда не претерпевает изменений, – какие-то его элементы всегда присутствуют в настоящем, однако это не значит, что в прошлом не происходило серьезных трансформаций, без которых не обошлась, в частности, и Византийская империя. Я имею в виду другое. Когда речь идет о каких-то переломных событиях – конец мирной жизни для Европы в 1914 году, распад Советского Союза в 1991-м, – историки делятся на тех, кому такие катастрофы кажутся неизбежностью, обусловленной структурными предпосылками, зачастую зревшими достаточно долго и в какой-то исторический момент сошедшимися воедино, и тех, кто объясняет эти переломные события волей случая, результатом неких сиюминутных, почти случайных политических решений. Даже если историк учитывает нюансы и тонкости, он все равно в качестве более значимых выбирает из общей мешанины либо структурные факторы, либо политические. Я сам в основном тяготею к структуралистам. Но применительно к Римской империи V века о назревавших предпосылках краха ее западной части говорить сложно, поскольку на восточную половину они, со всей очевидностью, не распространились. Тем не менее какие-то структурные причины назвать можно: Запад мог быть или стать более слабым, чем Восток, или же более уязвимым для захватчиков. Тенденция, зародившаяся еще в III веке и окончательно закрепившаяся в V веке, к административному делению империи на две отдельные части – для удобства логистики – также могла осла-

бить целостность государства и его способность противостоять внешней угрозе. Среди сотен конкурирующих гипотез, касающихся причин «падения» Рима, все эти доводы обязательно отыщутся и будут выглядеть вполне весомо³¹. Тем не менее в данном случае гораздо более примечательны сиюминутные решения, иногда простые человеческие ошибки. Поскольку за точку отсчета в нашем повествовании мы берем 500 год, примерное начало Средневековья, то, в принципе, имеем полное право вынести пока еще римский Запад V века за скобки – как несоответствующий эпохе. Однако нам все же придется отступить на шаг и окинуть предшествующие события хотя бы беглым взглядом – слишком сильно было то влияние, которое они оказали на дальнейшую историю. Кроме того, напрашивается еще одно предположение: если, скажем, в 400 году в Западной Римской империи отсутствовали серьезные структурные дефекты, немало элементов ее устройства должны были пережить кризис V века. Так оно и случилось, в чем мы будем неоднократно убеждаться на протяжении этой главы.

Северная граница Римской империи пересекала нынешнюю Европу примерно посередине – по Рейну и Дунаю (и Адрианову валу в Британии), знаменуя разительный контраст между севером и югом, касающийся не только политических связей, но и особенностей культуры и экономики.

³¹ А. Demandt, *Der Fall Roms* (2014), 719 with 638–9 перечисляет 227 гипотетических причин «падения» Рима – по сравнению с 210 в первом издании.

Контраст этот пережил крушение Западной империи на столетия. При всех различиях между провинциями в определенном смысле Рим был поразительно однороден: сеть дорог связывала между собой города с похожими друг на друга общественными зданиями, в основном каменными. Самовосприятие элиты римского общества определяла *civilitas* («гражданственность») со всей ее «цивильностью» и «цивилизацией», которые до сих пор слышатся нам в латинском слове. Аристократ был немыслим без знакомства с классическими образцами латинской литературы (а в грекоязычной Восточной империи – греческой) и владения письмом. Неотъемлемой частью Римского мира было и крайнее социальное неравенство: на его территории еще не изжило себя рабство и остро ощущались различия между богатыми и бедными, а также снобизм, с этими различиями связанный. Все это было присуще сложному устройству Римской империи в любой из периодов ее развития. После того как в IV веке империя (по крайней мере ее правящая верхушка) стала христианской, к перечню формировавших ее особенностей добавилась и христианская религиозная литература, а епископы начали соперничать за влияние с патрициатом. Однако больше в этом отношении почти ничего не изменилось (мало кто из христиан-богословов, несмотря на провозглашаемые в Новом Завете эгалитарные принципы, считал рабство злом)³².

³² О рабстве см. K. Harper, *Slavery in the late Roman world, AD 275–425* (2011).

Контраст с «варварским», как его называли римляне, севером был разительным. Экономический уклад – и материальная культура – там отличались большей простотой. Политические объединения уступали римским в размерах и сложности организации, а также в постоянстве: привязанности менялись по мере возвышения и падения разных правящих семей. Непосредственно к северу от Рейна и Дуная большинство этих объединений говорили на германских языках, хотя ни они сами, ни римляне не считали это признаком однородности. (Терминами «варвары» и «германский» я в дальнейшем пользоваться буду, но исключительно для удобства.) Неудивительно, что «варварские» народы, особенно их предводители, были лично заинтересованы в богатствах Рима и пытались поживиться ими либо в ходе набегов и даже завоеваний, либо за счет наемной службы в римской армии. В результате на рубежах империи складывалась переходная зона – с римской стороны более военизированная, а с «варварской» – проникнутая римским влиянием³³. Но в общем и целом обозначенная двумя великими европейскими реками

Григорий Нисский (ум. ок. 395) единственный из крупных богословов критиковал рабство как институт: там же, 345–6. Фундаментальные исследования поздней Римской империи см. у А. Н. М. Jones, *The later Roman empire* (1964) – по-прежнему актуально, несмотря на год издания; А. Cameron, *The Mediterranean world in late antiquity, AD 395–600* (1993) – лучший из кратких обзоров; А. Demandt, *Die Spätantike* (2014) – масштабный обобщающий труд; Р. Brown, *Through the eye of a needle* (2012) – внушительный плод труда всей жизни, посвященного позднеантичной христианской культуре и обществу.

³³ С. R. Whittaker, *Frontiers of the Roman empire* (1994).

граница была достаточно четкой.

По сути, в V веке в Западной Римской империи происходило следующее: набеги северных «варваров», донимавших Рим почти на всем протяжении его истории, теперь привели к политическому расколу: армии, не считавшие себя римскими, захватывали западные провинции и образовывали обособленные королевства. В 400 году до этого было еще далеко: начало процесса только обозначилось на Балканах, где пытались осесть – и интегрироваться в римскую армию – готские племена, бежавшие в 370-х на территорию империи от степных кочевников, которых римляне звали гуннами. К 500 году Балканы в восточной части империи снова оказались под властью Рима – на западе же дела обстояли иначе. Одна ветвь готов, которую мы зовем вестготами, владела Галлией (современная Франция) к югу от Луары и большей частью Испании; другая же ветвь, которую мы называем остготами, осваивала Италию и Альпы; бургунды занимали долину Роны, вандалы – север Африки (современные Тунис и Алжир), а большая часть Северной Галлии управлялась вождями франков. Юго-восток Британии – провинции, покинутой римлянами уже в начале V века, – находился в руках крохотных племенных союзов, в совокупности называемых нами (а может, и ими самими) англами и саксами. Были и другие, владевшие более мелкими территориями. Земли бывшей Западной Римской империи, неподконтрольные военным силам, прежде сосредоточенным за римскими грани-

цами, были немногочисленны и разрозненны: Мавритания (примерно совпадающая с нынешним Марокко), части центральных Альп вокруг Кура; западная Британия, в частности Уэльс, плюс Бретань. Между собой они связаны не были, с Восточной Римской империей – тем более, и отождествляться с Римом все они – за исключением Кура – перестали довольно быстро³⁴.

Риму уже доводилось ассимилировать захватчиков: разгромив, их расселяли по окраинам империи, а потом использовали как наемников – по крайней мере до тех пор, пока чужаки не утрачивали «неримские» характеристики. С захватчиками, потерпевшими поражение в череде разрозненных вторжений первого десятилетия V века, римские власти поступили привычным образом: вестготы осели в 418 году в окрестностях Тулузы, бургунды в 442 году – под Женевой, вандалы в 435 году – на территории нынешнего Алжира. Вестготов, в частности, использовали в войнах против вандалов в 417 году и свевов в 456 году, оба раза в Испании, а также против гуннов в Галлии в 451 году (самих гуннов, в свою очередь, использовали против готов). Завоевание Ита-

³⁴ Материалы по данному и следующим абзацам см. среди прочего в G. Halsall, *Barbarian migrations and the Roman West, 376–568* (2007); P. Heather, *The fall of the Roman empire* (2005) (со значительными отличиями в расстановке акцентов); Wickham, *The Inheritance*, где во всех случаях приведена другая библиография. Тезисы *The Inheritance*, посвященной раннему Средневековью, лежат в основе и этой главы, и трех следующих. В дальнейшем этот источник будет цитироваться реже, но опора на него по-прежнему подразумевается. О Кура см. R. Kaiser, *Churrätien im frühen Mittelalter* (1998).

лии остготами в 489–494 годах также произошло с подачи империи, поскольку византийский император Зенон направил расселившихся на Балканах остготов свергать Одоакра, поднявшего восстание в римских войсках и независимо правившего в Италии с 476 года. Король остготов Теодорих к тому времени уже обладал определенным весом как имперский военачальник. Несмотря на огромный наплыв «варварских» племен, число которых заметно выросло по сравнению с предыдущими столетиями, сам по себе этот процесс опасности не представлял – пока римские власти держали руку на пульсе. В начале века им это в целом удавалось. Смуту внесли вандалы, союз племен, вторгшихся в империю с севера через Рейн в 407 году и за десятилетие прошедших через Галлию в Испанию. Частичный разгром в 417 году не заставил их покориться, и в 429 году под предводительством нового правителя Гейзериха (ум. в 477 году) они добрались до Северной Африки, где в 435 году обосновались окончательно, но ни в коем случае не в качестве побежденных. Новые их земли, сами по себе не особенно плодородные, располагались в непосредственной близости от основных источников зерна и оливкового масла Западной Римской империи, а также богатых окрестностей великого римского города Карфаген, что в нынешнем Тунисе. Почему Рим упустил это обстоятельство из виду, почему не побеспокоился о Карфагене и не защитил его лучше? Как бы то ни было, Аэций (ум. в 454 году), военачальник и тогдашний правитель западной

части империи, этого не сделал, и в 439 году Карфаген закономерно пал. С этого момента Рим все меньше был способен диктовать условия политических перемен на Западе. Лишившись африканских богатств, Западная империя осталась и без налоговых поступлений, а без них не на что стало содержать регулярные войска, потребность в которых в эти сложные для нее времена только усилилась. Отсутствие регулярных войск вынуждало все чаще заручаться поддержкой «варварских» армий, но держать их в узде становилось все сложнее³⁵.

Задача использовать «варваров» в своих целях и при этом сохранять стратегическое главенство осложнялась также нестабильностью политической обстановки в западной части империи V века, где от имени недееспособных императоров правили военачальники, сменявшие друг друга в основном в результате переворотов. Политические руководители зачастую явно не успевали за событиями и безуспешно пытались решить злободневные проблемы вчерашними методами. К постепенному финансовому разорению империи добавлялся растущий политический раскол и соперничество между двумя крупнейшими западными провинциями – Галлией и Италией, которые по-прежнему находились в основном под контролем римских войск. Рицимера, военачальника и пра-

³⁵ P. Heather, 'The Huns and the end of the Roman empire in western Europe' (1995), 27–8 – защищает Аэция, но, на мой взгляд, недостаточно убедительно.

вителя империи с 457 по 472 год, по-настоящему интересовала только Италия, поэтому южную и центральную Галлию бургунды (союзники Рицимера) и вестготы, при Эйрихе (466–484) действовавшие независимо, поделили между собой. Сделанный Рицимером выбор сыграл решающую роль. Когда в 476 году в Италии поднял восстание Одоакр, сражаться было уже практически не за что, и, вместо того чтобы посадить на трон марионеточного императора, он просто объявил себя королем, номинально признав власть правителя Восточной, а не Западной империи³⁶.

Как видите, я уделяю больше внимания выбору римлян, чем завоеваниям «варваров». В последнее время историки бурно спорят о том, насколько «варварскими» разные германские народы были в действительности³⁷. Почти все они (за исключением франков), прежде чем основать независимые королевства, какое-то время провели в римских провинциях, зачастую носили военизированную римскую одежду, а также перенимали другие римские особенности. Разные

³⁶ P. MacGeorge, *Late Roman warlords* (2002), 167–268.

³⁷ Чтобы получить представление об этих спорах, см. сильно различающиеся картины у W. Goffart, *Barbarians and Romans, A. D. 418–584* (1980); Halsall, *Barbarian migrations*; P. J. Geary, 'Ethnic identity as a situational construct in the early middle ages' (1983); H. Reimitz, *History, Frankish identity and the framing of Western ethnicity, 550–850* (2015); W. Pohl and F. W. Heydemann, *Strategies of identification* (2013); H. Wolfram and W. Pohl, *Typen der Ethnogenese* (1990); P. Heather, *The Goths* (1996). T. F. X. Noble, *From Roman province to medieval kingdoms* (2006) – переиздание ключевых глав и статей этих споров. Самые ожесточенные баталии см. у A. Gillett, *On barbarian identity* (2002).

группы готов, в частности, вполне можно рассматривать как вышедшие из повиновения римские войска, в составе которых имелось достаточно неготов, в том числе, несомненно, римского происхождения. Почти все предводители «варваров» женились на представительницах римской знати, а римские военачальники (включая Рицимера и Одоакра) нередко сами происходили из «варваров»³⁸. «Варварские» короли в основном владели двумя языками, а кто-то мог изъясняться исключительно на латыни. Все они заимствовали принципы римской системы управления и применяли их где только возможно. От римских правителей они отличались только именами, как свидетельствует, например, характеристика вестготского короля Тулузы Теодориха II (453–466), данная Сидонием Аполлинарием (ум. ок. 485 г.), римским аристократом и литератором из центральной Галлии: набожен (но не до истовости), ответственно относится к делам управления, предпочитает говорить о серьезных предметах, дает изысканные обеды, где «соединены греческая изящность, галльское изобилие, итальянская живость <...> и царский порядок»³⁹. Все эти властители, кроме правителей самых северных провинций, исповедовали христианство – по крайней мере в той же степени, что и остальная империя (в 400

³⁸ A. Demandt, 'The osmosis of late Roman and Germanic aristocracies' (1989), 75–86.

³⁹ Сидоний Аполлинарий. Письма. Книга I. Письмо 2 к Агриколе. Пер. М. Стасюлевича.

году язычников еще было в избытке). Но само по себе христианское вероисповедание не означало единства – IV и V века были эпохой религиозного раздора, споров о природе Бога и взаимных обвинений в ереси. Ариане против никейцев, монофизиты против халкидонян (никейцев и халкидонян, победивших в конечном итоге на центральных римских землях, с тех пор чаще называли католиками на западе Европы и православными на востоке). Но и здесь «варвары» просто принимали ту или иную сторону. Вандалы-ариане, в частности, время от времени преследовали «еретиков» – представителей никейского большинства в римской Северной Африке – с тем же рвением, с каким преследовал ариан любой никейский император, и руководствовались теми же законами⁴⁰. Романизация упрощала притирку. От провинции к провинции местная римская знать, получавшая все меньше военной поддержки извне, попросту находила способы ужиться с соседями-«варварами», будущими правителями этих земель, устраивалась при дворе (как Сидоний у Теодориха II, хоть тот и противостоял Эйриху) и участвовала в управлении – разумеется, в максимальном соответствии с римским обычаем. Таким образом, сближение наблюдалось с самого начала почти повсеместно, даже в вандальской Африке, где по вышеупомянутым религиозным причинам

⁴⁰ A. Merrills and R. Miles, *The Vandals* (2014), 177–203; J. Conant, *Staying Roman* (2012), 159–86; R. Whelan, *Being Christian in Vandal Africa* – основы знаний о вандальской Африке.

обстановка была более напряженной⁴¹. Военные перевороты стали для Римской империи обычным делом начиная с I века, римские войска давно превратились в многонациональные, и львиную долю их составляли провинциалы из приграничных земель, так что пока коренные перемены заключались лишь в том, что военачальники этих территорий по обе стороны границы начали объявлять себя королями.

А значит, можно считать, что в событиях V века ничего сверхъестественного не было. Король остготов Теодорих (474–526) правил Италией и землями к северу от старой римской границы по Дунаю. Он одолел вестготов в Испании, пользовался мощным влиянием в королевствах вандалов и бургундов, и органы управления при нем мало изменились по сравнению с прежними римскими. Ему ничто не помешало бы называться римским императором, и в наших источниках он нередко именно в этом качестве и выведен⁴². После его смерти император восточной части Юстиниан (527–565) явно не рассматривал западные провинции как утраченные безвозвратно, поскольку попытался отвоевать спер-

⁴¹ См. например: Heather, *The fall*, 415–25; а также применительно к Африке предыдущее примечание.

⁴² Например: Anonymus Valesianus, *pars posterior*, с. 60. Об остготах см. J. Moorhead, *Theodoric in Italy* (1992); P. Heather, 'Theodoric, king of the Goths' (1995); а также вдохновляющий ревизионистский материал P. Amory, *People and identity in Ostrogothic Italy, 489–554* (1997). Сравнительный анализ происходившего в Италии V века при небольшом количестве вторжений см.: P. Delogu and S. Gasparri, *Le trasformazioni del V secolo* (2010).

ва вандалскую Африку в 533–534 годах, а затем, в 534–540 годах, Италию. Восстание в Италии вернуло остготским правителям власть, и заново подчинить Апеннинский полуостров Юстиниану удалось только в 554 году, но к тому времени он успел завоевать заодно немалую часть испанского побережья. В руках Рима вновь оказалось почти все Средиземноморье, а среди крупных провинций из прямого подчинения выпадали только Галлия и центральная часть Испании⁴³.

Однако при всей романизации «варварских» королевств в первое столетие их существования некоторые принципиальные перемены все же происходили, причем, как покажет история, необратимые. Первая состояла в том, что германские народы уже не называли себя римлянами. Они явно обособлялись от тех, кого завоевывали и кем правили, отличаясь в этом отношении от всех прежних военачальников и организаторов переворотов, включая Рицимера и других полководцев V века, у которых можно проследить родственные «варварские» связи. Да, покоренные остготы и вандалы, судя по всему, сливались с населением римских провинций, поскольку больше они в наших источниках не появляются – и то же самое относится почти ко всем завоевываемым «варварским» народам, – но германцы, одержавшие верх, к римлянам себя причислять не собирались. В устойчивых королевствах, таких как вестготское в Испании и франкское в Галлии, происходило прямо противоположное: римляне на-

⁴³ Обзор см. у J. Moorhead, *Justinian* (1994), 63–88, 101–9.

чинали воспринимать себя готами и франками. Иными словами, менялась самоидентификация, и звание римлянина, столетиями выступавшее надежным показателем положения и культуры, это свойство утрачивало⁴⁴. Вторая перемена заключалась в том, что прежнее единство Запада, от Адрианава вала до Сахары, исчезло безвозвратно. Даже Юстиниану – и тем более никому после него – не удалось завоевать Средиземноморье целиком (на побережье Галлии он не посягнул вовсе, а в Мавритании властвовал с переменным успехом). Возникали обособленные политические образования с собственными политическими центрами: Парижский регион у ранних франков (и этот центр, возникший около 500 года, своего статуса не утрачивал ни разу), Толедо в центральной Испании у вестготов, область Павия – Милан у еще одних захватчиков, лангобардов, вторгшихся в Италию в 568–569 годах, после повторного завоевания Юстинианом⁴⁵

⁴⁴ Подробный обзор см. у Н.-W. Goetz, *Regna and gentes* (2003); о Франкской державе см.: Reimitz, *History, Frankish identity*; дальнейшие сведения см. в E. Buchberger, *Shifting ethnic identities in Spain and Gaul, 500–700* (2016).

⁴⁵ Общие сведения см. в G. Ripoll and J. M. Gurt, *Sedes regiae* (ann. 400–800) (2000).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.